

INSPIRIA

РЕЦЕПТ

СОЛЬ,
ПЕРЕЦ
ПО ВКУСУ

ИДЕАЛЬНОЙ

ЖЕНЫ

КАРМА БРАУН

INSPIRIA

Карма Браун

Рецепт идеальной жены

Серия «Novel. Частная история»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63966741
Рецепт идеальной жены: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-114180-6

Аннотация

Шумный Нью-Йорк остался позади. Элис уходит с работы и следует за мужем в тихий пригород. И вот она стоит на пороге большого дома, который очень скоро возненавидит за бесконечное чувство одиночества.

Но ведь так было не всегда. Когда-то здесь жила Нелли. Она разговаривала с розами, курила крепкие сигареты и читала статьи о спасении брака, подливая себе в стакан холодный лимонад.

Спустя годы Элис найдет поваренную книгу своей предшественницы, но самыми ценными окажутся совсем не рецепты.

«Браун сделала это! Поклонники современных историй в стиле old-fashion прочитают роман за один день». – Library Journal

«Это история о том, как патриархат влиял на жизнь женщин в 1950-х годах и как продолжает делать это сегодня». – Kirkus

Содержание

1	6
2	8
3	16
4	26
5	33
6	38
7	48
8	60
9	69
10	80
11	90
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Карма Браун

Рецепт идеальной жены

Karma Brown

RECIPE FOR A PERFECT WIFE

© Гилярова И., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство
«Эксмо», 2021

* * *

Посвящаю моей маме, Мириам Рут Кристи, которая всю жизнь была феминисткой, несмотря на строгие традиции своего поколения. Она не могла похвастаться кулинарным мастерством, часто кормила нас консервами, но неплохо готовила цыпленка по-королевски. Я по нему скучаю, хоть и не так сильно, как скучаю по маме.

Посвящаю всем женщинам, жившим до меня; благодарю их за то, что они осветили мне путь. И благодарю тех, кто пришел после, – особенно тебя, Эддисон Мэй.

Искусство – трудное дело, но искусство быть

женой труднее всех других.

– Бланиш Эббут «Чего не должны делать жены» (1913)

1

Ты, кажется, забываешь, что я человек женатый, а главная прелесть брака заключается в том, что он вынуждает обоих супругов постоянно друг друга обманывать¹.

– Оскар Уайльд «Портрет Дориана Грея» (1890)

Сажать цветы было совсем не время, но у нее не было выбора. Муж не понимал важности этого дела и никогда не интересовался садом. Он не ценил его красоту и посему в то утро был слегка зол на нее. Ворчал: лучше бы она занялась вместо этого *более важными* делами, а дел было великое множество, поскольку они переехали сюда всего неделю назад. Да, верно – сад мог подождать, в эти зимние месяцы в нем мало что менялось, луковицы терпеливо ждали дождей и весеннего тепла. Вот только именно это растение с его обилием цветков-колокольчиков не отличалось терпением. Кроме того, это был подарок, и его сопровождали настоятельные инструкции, так что у нее не было иного выбора, как посадить его. Не откладывая. Сегодня.

Она чувствовала себя в своей стихии, когда возилась в земле, что-то напевала и разговаривала с листьями. Вот почему она полюбила этот дом с первого взгляда. Клумбы в

¹ Перевод Валерия Чухно.

саду уже были подготовлены, и она предвкушала, как они наполнятся роскошными цветами. Сам дом со множеством комнат казался ей безликим и огромным, ведь в нем поселились лишь двое – она и муж. Молодожены. И у них впереди было много времени, чтобы наполнить его детьми и теплом, создать домашний уют.

Мурлыча любимую мелодию, она натянула садовые перчатки и выкопала лопатой большую круглую ямку. Положила в нее растение, осторожно придерживая пальцами, чтобы не раздавить аметистовые цветки. Присыпала корни землей и убедилась, что стебель стоит ровно. Впереди было еще много работы, но она легла на мягкую траву, подложила под голову руки и посмотрела на голубое небо, разбавленное легкими облачками. Воодушевленная и готовая ко всему.

2

Мужчины любят чистоту в доме, но если жена будет ради этого суетиться и переворачивать все вверх дном, рано или поздно муж сбежит.

– Уильям Дж. Робинсон «Семейная жизнь и счастье» (1922)

Элис

5 мая 2018 года

Когда Элис Хейл в первый раз увидела этот дом – такой огромный, но ужасно запущенный, – она еще не знала, *что* переживет в нем. Первая мысль была – ну и Гаргантюа среди домов! Они с мужем жили до этого в квартирке в нью-йоркском Марри-Хилл, которая была чуть больше обувной коробки, проходили боком мимо кровати и упирались коленками в дверь ванной, когда сидели на унитазе. А этот дом представлял собой прямоугольник из симметрично лежащих кирпичей, на окнах ставни, красная дверь в каменной арке; с двери слезала краска, словно кожа, если перележать на солнце. Поначалу Элис не хотелось входить в ту дверь. *Добро пожаловать в Гринвилл, Нейт и Элис!* – она будто слышала, как дом шептал это сквозь щель почтового ящика, похожую на рот, не слишком приветливым тоном. *В таких местах,*

как это, погибают молодые и успешные городские жители.

В пригороде было приятно и мило, и все же – это не Манхэттен. От Гринвилла несколько минут езды на автомобиле до более известного и более эксклюзивного Скарсдейла, а до Нью-Йорка меньше часа на поезде, и все-таки это был абсолютно другой мир. Широкие лужайки. Заборчики из штакетника, разумеется, в основном белые. Такие чистые тротуары, что хоть ешь с них. Никакого шума от транспорта, такая тишина, что Элис стало не по себе. У нее дергался левый глаз, скорее всего из-за бессонной ночи. В темноте она мерила шагами их крошечную квартирку, переживая, что все это – дом, Гринвилл и прочее – обернется ужасной ошибкой. Но среди ночи всегда все представляется мрачным и безнадежным; наутро сомнения и бессонница уже казались ей глупыми. Это был первый дом, который они смотрели, а ведь никто и никогда не останавливается на первом же варианте.

Нейт взял ее за руку и повел по тротуару, чтобы взглянуть на дом с другой стороны.

– Приятный, правда?

Она сжала его пальцы и улыбнулась, надеясь, что он не заметит, как у нее дергался глаз.

Глядя на фасад дома – на глубокие трещины в цементной дорожке, серый, подгнивший штакетник, – Элис поняла, почему дом продавался по такой скромной цене, хотя все равно подрывал их бюджет. Особенно теперь, когда они жили на один платежный чек, из-за Элис, и у нее до их пор ныло под

ложечкой от чувства вины, когда она думала об этом. Дом отчаянно требовал внимания. Возни с ним будет предостаточно. А ведь они еще даже не зашли внутрь. Она вздохнула, коснувшись кончиками пальцев своего века. *Все хорошо. Все будет хорошо.*

– Все-таки он стоит кучу денег, – сказала она. – Ты уверен, что мы можем себе это позволить? – Сама она росла без всяких излишеств, а иногда даже и без самого необходимого, и ее пугала мысль об ипотеке.

– Можем, обещаю тебе, – успокоил Нейт. У него был математический склад ума, и он умел распоряжаться деньгами, но она все еще сомневалась. – У него действительно крепкий костяк, – добавил он, а Элис взглянула на мужа и удивилась, как по-разному они оценивают ситуацию. – Неужели тебе не нравится его солидный вид? – *Солидный.* Для Нейта это было невероятно важно.

– Как думаешь, риелтор дала нам правильный адрес? – Когда Элис слегка наклоняла набок голову, ей казалось, будто дом кренится вправо. Может, они просто ошиблись адресом, и где-то поблизости стоит тот самый дом, который они приехали смотреть, и он выглядит благополучнее, чем его одичалый кузен. Или не поблизости. Может, риелтор имела в виду «Гринвич», а не «Гринвилл», а Нейт просто невнимательно прочел ее сообщение.

Элис хмуро рассматривала лужайку перед домом, запущенную, заросшую травой, и прикидывала, сколько может

стоит газонокосилка. Впрочем, на фоне общего запустения цветы, росшие возле изгороди, ярко-розовые, словно сделанные из множества слоев папиросной бумаги, радовали глаз. Она подхватила пальцами один цветок и наклонилась к нему, вдыхая его душистый аромат.

– Сто семьдесят три. – Нейт поднял глаза от телефона и еще раз взглянул на латунную табличку с номером дома. – Да, тот самый адрес.

– Имитация колониального стиля, – пояснила накануне вечером риелтор Беверли Диксон; Нейт и Элис слушали ее по громкой связи. – Построен в сороковых, у него есть несколько изъянов, зато много роскошных элементов декора. Вот подождите – скоро вы увидите каменную арку и классический облик. Этот дом долго не продержится на рынке, говорю я вам. Тем более по такой цене. – Нейт восхищался как ребенок, а Беверли продолжала расхваливать старый особняк. Элис знала, что муж задыхался в их крошечной квартире с шокирующе высокой арендной платой и малым количеством окон.

С самого начала их знакомства Нейт хотел уехать из города. Он мечтал о дворе, где он будет играть в мяч со своими детьми, так же как с ним играл его отец. О том, чтобы летним утром его будили пение птиц и стрекот цикад, а не грузовики, развозящие посылки. Он хотел купить дом и отремонтировать его под себя. Он вырос в пригороде Коннектикута с родителями – причем мать была домохозяйкой – и

двумя братьями, такими же успешными, как и он. Поэтому будущая семейная жизнь представлялась ему в наивном, розовом свете.

А вот Элис любила их уютную квартирку. Домовладелец устранял проблемы с неисправными кранами, регулярно делал косметический ремонт, а когда прошлой весной у них накрылся холодильник, поставил новый. Ей хотелось и дальше жить в десяти кварталах от Бронвин Мёрфи, лучшей подруги. Элис иногда сбегала к ней – отдохнуть от жизни в обувной коробке. Нейт был, надо сказать, аккуратнее Элис и больше заботился о том, чтобы все лежало на своих местах, но и у него были мелкие недостатки. Он пил сок прямо из коробки. Брал золотой пинцет Элис, безумно дорогой, между прочим, чтобы выдернуть у себя из носа волосок. Он ждал, что жизнь даст ему все, чего он хочет, только потому, что он попросил об этом.

Элис напомнила себе, что обещала Нейту ничего не скрывать от него, и подумала, что надо все-таки сдержать слово. Не говоря уже о том, что если они переедут в Гринвилл, ей придется винить в этом только себя.

За несколько минут до условленного времени подъехал «лексус», и из него выпрыгнула Беверли Диксон. Схватив с пассажирского сиденья папку и сумочку, она осторожно захлопнула дверцу, и этот жест будто сказал Элис: эта тачка совсем новая. Беверли закрыла дверцу брелоком – дважды, – а Элис огляделась по сторонам. Поблизости никого не бы-

ло, кроме женщины, толкавшей прогулочную коляску, и пожилого джентльмена, обрезавшего куст. Элис вспомнились слова Беверли про людей, живущих на этой улице: «Там люди порядочные, и можно даже не запираеть дверь!»

Беверли подошла на трехдюймовых каблуках и закрыла промежуток между Элис и Нейтом своим круглым, как воздушный шар, телом в бежевой юбке и жакетом в цвет. Ее улыбка была широкой и теплой. Она протянула руку еще до того, как подошла к ним; на ней звякали тяжелые золотые браслеты. Элис заметила на ее переднем зубе след от розовой помады.

– Элис, Нейт. – Беверли пожала им руки, и браслеты забренчали, как ветряные колокольчики. – Надеюсь, вы ждали меня недолго?

Нейт заверил ее, что они совсем и не ждали; Элис улыбнулась и уставилась на зуб Беверли.

– Вы же видите? Не дом, а просто жемчужина! – Беверли запыхалась, и ее слова сопровождались легким свистом. – Что ж, давайте зайдём внутрь?

– Давайте, – подтвердил Нейт и снова схватил Элис за руку. А ей хотелось только одного – вернуться в город, натянуть на себя штаны для йоги и спрятаться в их квартирке. Может, заказать что-нибудь из еды и посмеяться над их временным безумием, над тем, что они чуть не перебрались в пригород.

Подходя к дому, Беверли показывала им примечательные

детали («величественная арка... вы нигде такую не найдете... подлинные витражи еще тех времен...»), а Элис уловила краешком глаза какое-то движение. Пошевелилась занавеска на верхнем левом окне, словно кто-то отодвинул ее в сторону. Она посмотрела на то окно, но в нем все затихло. Возможно, ей просто почудилось. Она устала, хоть и не работала.

– Я уже говорила вчера по телефону, что дом построен в сороковых. Конечно, снаружи он выглядит неважно, но тут нет ничего, что невозможно исправить. Какие изумительные пионы, правда? Я слышала, у предыдущей владелицы был поистине «зеленый палец». У меня перед домом никогда не будет таких цветов.

Фирма по уходу за газонами. О боже! Кажется, они совсем скоро превратятся в одну из *тех* пар. Тех, что отчаянно хотят, чтобы их дети играли на ухоженной зеленой лужайке, а их золотистый голдендудль гадил на нее.

У Элис сжался желудок, когда они подошли к двери. Она почти ничего не ела сегодня, кроме горстки затхлых мюсли и кофе, но плохо ей стало не поэтому. Этот дом и все, что с ним связано – в том числе и переезд из Манхэттена, – были ей противны до тошноты. Желчь поднялась к горлу, когда Нейт и Беверли болтали о «костяке» дома и его особенностях, включая «родной» дверной звонок. Нейт, не обращая внимания на Элис, нажал на кнопку звонка и восторженно засмеялся, когда за шершавой красной дверью звякнули же-

СТЯНЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ.

3

Современная женщина, наделенная капризным и вздорным нравом, все-таки часто отзывается на доводы любви и здравого смысла. Если она захочет вас выслушать – для нее это болезненный процесс, – вы сможете твердо, логично и ласково убедить ее в том, что она не всегда бывает права.

– Уолтер Галличен «Современная женщина – как с ней ладить» (1910)

Элис

В доме было темно и прохладно, и Элис сунула руки под мышки, оглядываясь по сторонам. Все вокруг было каким-то старомодным. Даже тонкий слой пыли на обоях. Беверли называла их «винтажными», будто это делало их особенными и достойными внимания. Старый письменный стол был придвинут к фасадному окну; посередине гостиной под желтой простыней стоял диван.

– Кто-нибудь из вас играет?

– Что? – спросила Элис, не понимая, о чем это риелтор.

– На пианино. – Беверли подняла крышку инструмента, стоявшего у задней стены гостиной, и нажала на пару клавиш.

– Пыльное и расстроенное, но, по-моему, неплохо сохранилось.

– Мы не играем, – ответил Нейт. – Впрочем, может, и научимся.

Элис сомневалась в этом – они оба не отличались музыкальностью, да и она убедилась, что у Нейта нет слуха, наслушавшись за последние пару лет, как он пел под душем.

Из гостиной они прошли сквозь арку на кухню. Как и все в доме, кухня не обновлялась десятки лет: шкафчики персикового цвета, древний холодильник, почему-то работавший, рокотал, словно товарняк на железной дороге; в глубине кухни стоял овальный стол с хромированными ножками и столешницей из жаростойкой пластмассы, возле него четыре стула, синих, как яйца дрозда. В открытых угловых шкафчиках все еще лежали тарелки – какие можно видеть на блошиных рынках, белые, матовые, с цветочками и завитушками. Дом был выставлен на продажу «как есть», значит, со всем, что осталось внутри. Пожалуй, за посуду можно выручить какие-никакие деньжата. Все-таки *винтаж*.

– А это для чего? – спросила Элис, показав на маленькую, прямоугольную металлическую емкость возле раковины. Она открыла крышку и заглянула внутрь.

– О, это для овощных очистков, – пояснила Беверли. – Еще туда выбрасывали с тарелок остатки еды. – Она открыла дверцу под раковиной; там лежала мелкая сковородка, слегка заржавевшая по углам. – Потом вы приведете в порядок

эту сковороду. Она очень удобная; такие раньше были у каждой уважающей себя хозяйки.

– Толково, – одобрил Нейт. Он выдвинул несколько ящиков, нашел за дверцей одного из шкафчиков металлическую подставку для кулинарной книги, крючки для кастрюль и сковородок в глубине другого, выдвижную доску, которую, по словам Беверли, хозяйки использовали как рабочую поверхность, когда готовили еду сидя.

Нейт так воодушевился, слушал с таким интересом, что Элис постаралась не обращать внимания на плачевное состояние всего вокруг и думала о том, что можно со всем этим сделать. Возможно, это как раз то, что им было нужно. В последние месяцы у них в семье царила напряженность, и Элис винила себя в этом. Так что кому, как не ей, придется пожертвовать собой.

Пожалуй, ей стоит направить бурлившую в ней энергию на это кирпичное сооружение и превратить его в уютный дом, о чем и твердила Беверли. Она снимет все *винтажные* обои – хотя при мысли об этом она была готова разрыдаться, ведь не так уж это и просто. Снесет стены между комнатами. Создаст большое, открытое пространство, чтобы свет из окон проникал в каждый угол.

Когда она пыталась визуализировать свои намерения, Нейт отметил, что фасадное окно идеально подходит для того, чтобы написать роман, сидя возле него.

– Представь себе вот здесь, рядом с письменным столом,

книжную полку с твоими будущими книгами.

Что ж, возможно. Она могла быть целеустремленной. Всегда. Поэтому ей поручали самых сложных клиентов. «Бей в одну точку» – такова ее мантра.

– По-моему, отличное место для пробежек, – сказал Нейт, представив себе те мили, что они пробегут вместе с женой. *Тик-тик-тик*, она будто слышала счетчик в мозгу мужа. Может, пора снова заняться бегом именно на этих зеленых улочках, не опасаясь, что тебя собьет автомобиль.

Бeverли спешно закивала.

– О, кое-кто с вами согласен, – сказала она. И все трое посмотрели в окно гостиной на пробежавшую мимо дома женщину. Та будто специально сговорилась с риелтором – вот уж совпадение.

– Ты ведь говорила, как тебе снова хочется бегать, – сказал Нейт. – Хотя бы первое время. – Он положил руку на живот Элис.

– О, вы ждете ребенка! – воскликнула Беверли. Ничто не может заставить клиентов так снисходительно смотреть на изъяны дома, как надвигающееся рождение ребенка. – Это идеальное место для молодых семей. Мы еще не спускались вниз, в бельевую, а там стоит большая стиральная машина и сушилка, так что вам даже не придется выходить из дома, когда появятся горы детского белья.

– Мы не ждем ребенка, – твердо ответила Элис. Ей не понравилось, что Нейт затронул эту тему при незнакомом че-

ловеке. Проблемы со здоровьем по женской части – ее личная проблема, к тому же они лишь недавно решили, что будут пробовать еще.

– Пока не ждем, – поправил ее Нейт и аккуратно погладил Элис по животу. Футболка предательски подчеркнула располневшую фигуру. Прежде Элис было очень легко похудеть – достаточно неделю есть арбуз, запивая его только зеленым чаем, кофе и куриным бульоном. Плюс ко всему у нее была интересная работа, она поглощала ее целиком, не оставляя времени на переваривание лишних калорий, способных *смягчить* ее фигуру. Но потом она осталась без работы, и это сказалось на ее весе. Нейту нравились ее новые формы, он говорил, что слишком худым женщинам трудно забеременеть. Когда она поинтересовалась, откуда он это взял, он не смог вспомнить. Элис подозревала, что он регулярно посещал сайты, посвященные беременности, – она не помнила случая, когда Нейт Хейл был к чему-то не подготовлен.

– Вы работаете, Элис? Я имею в виду – не дома, а где-то еще? – Вопрос Беверли задел Элис – неужели она показалась ей лентяйкой? «Мне двадцать девять лет, – хотелось ей высокомерно ответить. – Да, я работаю». Но это было не так, она уже не работала. Ее желудок снова сжался, на этот раз от тоски. Она скучала по работе, по прежнему ритму жизни, трудным задачам, платежному чеку... даже по туфлям на высоченных каблуках, в которых иногда, когда Нейт уезжал

на работу, расхаживала по квартире, чтобы почувствовать себя прежней Элис.

– Я работала в пресс-центре крупной фирмы, но недавно ушла. Чтобы заняться другими делами.

– Эли пишет роман, – пояснил Нейт, и Элис хотелось заткнуть ему рот. Ведь он не знает, что она так и не взялась за книгу. И о том, что на самом деле произошло на работе.

При упоминании о книге Беверли удивленно подняла брови, а ее губы сложились в круглое *O*.

– Ну, это просто фантастика, – воскликнула Беверли. – Как я завидую вам. Но моих талантов хватает лишь на составление списка покупок и на риелторские бумаги. – Она широко улыбнулась – обнажив испачканный помадой зуб.

– О чем он? Ваш роман, – спросила Беверли.

– Он... ну-у... о молодой женщине, работающей в пресс-центре. Что-то вроде «Дьявол носит Prada».

– О, мне очень нравится этот фильм! – обрадовалась Беверли.

– Вообще-то я только начала писать. Посмотрим, что получится. – Элис заправила за ухо выбившуюся прядь, отчаянно мечтая сменить тему.

– Эли не любит делиться своими планами. – Нейт обнял ее за плечи и аккуратно прижал к себе. – Писатели должны оберегать свои секреты, правда, детка?

– О, конечно, – подтвердила Беверли, важно кивая. – Что ж, давайте поднимемся вверх?

– После вас, леди, – сказал Нейт и указал на лестницу.

– Значит, вы писательница... как здорово, Элис! Я люблю читать.

Нижняя ступенька закрипела под тяжестью Беверли. Рилтор оглянулась и крепко схватилась за перила. Лестница была очень узкой, и им пришлось подниматься по ней цепочкой.

– Какие книги вы любите? – поинтересовалась Элис.

– Любые. Правда, абсолютно любые. Хотя больше всего мне нравятся детективы.

Детективы. Ух. Элис посмотрела на соседний дом через окно спальни, в которую они зашли. Он выглядел намного лучше того, что они вот-вот собирались приобрести.

– Что вы можете рассказать нам о предыдущих владельцах? – поинтересовалась Элис. Они перешли в большую спальню, где стояли две одноместные кровати, на которых, кажется, никто никогда и не спал. Края голого матраса выглядывали в некоторых местах из-под дешевого покрывала. Шкафы оказались пустыми. В туалете не было бумаги.

– Дом пустовал почти год, – пояснила Беверли.

– Год? – Это объясняло запущенную лужайку перед домом, потрескавшуюся краску на входной двери, слои пыли и неприятное, гнетущее чувство. Дом казался брошенным: будто кто-то ушел за молоком десять лет назад и не вернулся. – Почему же его только сейчас выставили на продажу?

Беверли закашляла.

– Хозяйка умерла, а домом и участком распоряжался ее адвокат. Очевидно, у нее не было семьи. – Беверли нахмурилась, но тут же оживилась. – Вот почему дом стоит так недорого. Сначала за него просили больше, но покупателей не нашлось. Так он и вернулся на рынок. Фантастика!

Даже Элис с ее нулевыми познаниями в ремонтных делах понимала, что этот дом стоит ровно столько и не на доллар больше, потому что в него придется вложить кучу денег. Вероятно, нужно менять проводку, да и сантехнику тоже, а если они решатся на значительную переделку, например снести стену, то придется убирать асбест. Пожалуй, они заменят окна, когда позволит бюджет, чтобы уменьшить счет за электричество. И вообще, каждый квадратный дюйм требовал косметического ремонта.

– Есть ли еще что-нибудь, что нам нужно знать? – спросила Элис.

Нейт попрыгал на одной ноге, и пол заскрипел под ним.

– Полы хорошие, – заключил он и попрыгал еще. Элис посмотрела на твердую древесину под ногами. – Их когда-нибудь меняли?

– Кажется, меняли несколько лет назад, – сообщила Беверли. Она открыла папку и провела пальцем по листу бумаги. – Да, вот. Новые полы в 1985 году.

– Ретро! – воскликнул Нейт.

– Беверли, у вас есть еще какая-нибудь информация о доме? – спросила Элис, игнорируя восторг мужа. – Мне очень

не хочется столкнуться с подводными камнями после заключения сделки.

Нейт широко улыбнулся и посмотрел на Беверли, уверенный, что других проблем нет. Дом ему нравился, он хотел его купить.

– Мне не стоит говорить об этом, но вы отличная пара, дом вам явно нравится... ну... бывшая хозяйка, она... – Беверли замолкла и, нахмутив брови, постучала ноготочками по папке. – Вероятно, она умерла... в этом доме. – Уголки ее губ сползли вниз; ей явно хотелось вернуться к разговору о винтажных обоях.

– О... В доме... Что случилось? – спросила Элис.

– Кажется, рак. – Она испуганно посмотрела на молодых супругов – теперь они передумают покупать дом.

Как раз это и требовалось Элис. Этот дом, да и сам Гринвилл не подходили ни ей, ни Нейту. Ей нужно было вернуться в Манхэттен – пускай даже последние месяцы город вызывал в ней гнетущие мысли.

– Понятно. – Элис потерла ладонь о ладонь, словно хотела согреть руки. – Интересно. – Ее тон подразумевал, что на самом деле она имела в виду «неприятно».

– Но ведь прошло уже довольно много времени, – объяснила Беверли, видя, как коммиссионные улетают от нее через винтажное окно.

– Беверли, я бы не сказала, что один год – это «довольно много времени». – Элис хмуро посмотрела на риелтора, и та

изменилась в лице еще больше.

– Ну, честно говоря, сейчас трудно найти какой-нибудь из старых домов без подобной истории.

Элис повернулась к Нейту и поежилась.

– Не знаю, милый, – сказала она, понизив голос. – Как-то все это жутковато.

– Правда? – спросил Нейт и перевел взгляд на Беверли. – Жутковато? Но ведь мы с тобой против предрассудков. К тому же Беверли объяснила, что это случилось год назад, так что все жившие здесь призраки наверняка перекочевали в места поинтереснее этого.

Беверли улыбнулась, муж ответил ей тем же, и Элис поняла, что момент упущен.

Нейт с надеждой посмотрел на жену. Он хотел купить этот дом.

Элис кивнула (еле заметно, но кивнула), и он повернулся к Беверли:

– Думаю, мы заинтересованы в покупке дома. Очень заинтересованы.

Нелли

19 июля 1955 года

Мясной хлеб с овсянкой

500 г рубленой мякоти (окорок, грудинка или бифштекс)

1 чашка очищенных овсяных хлопьев

1 небольшая луковица

1 чашка молока или воды

1 яйцо, слегка взбитое

$\frac{1}{2}$ чайной ложки перца

щепотка соли

Смешайте все ингредиенты, положите в смазанную жиром форму и запекайте в духовке 45 минут при 150 °С.

Банка концентрированного томатного супа станет приятной добавкой к мясному хлебу.

Нелли Мёрдок застегнула комбинезон – она надевала его исключительно для работы в саду, потому что ее муж Ричард хотел, чтобы она носила только юбки, – и взяла со стола крас-

но-белую пачку сигарет *Lucky Strike*. Вставила тонкую в перламутровый мундштук, зажгла ее и села в одно из новых кресел – голубое, как безоблачное летнее небо. Она курила, листая свежий номер журнала *Ladies' Home Journal*. Ричард пытался отучить ее от курения, уговаривал перейти на жевательную резинку (он получил в наследство от отца бизнес по изготовлению жвачки) или хотя бы на сигареты с фильтром, ведь они менее вредные. Но Нелли ненавидела чавканье – какая тут жвачка? И ей нравились *Lucky Strike*. Ей нравилось, что курение изменило ее голос, сделало его хриловатым и более интересным, когда она пела. У Нелли был прекрасный голос, хотя, к ее огорчению, она могла использовать свой талант только в церкви, ванной или в саду, где она разговаривала с цветами. Сигаретные фильтры гарантировали избавить ее от воспаления в горле, она знала об этом со слов доктора и из рекламы в журналах, но не хотела этого.

Сняв с языка табачную крошку, Нелли остановила взгляд на колонке «*Можно ли спасти брак?*» и поспешила изучить несколько мнений, опубликованных в статье, – мужа, жены и психотерапевта. Муж, Гордон, устал от финансовых проблем и был раздражен тем, что жена без остановки тратила деньги на такие вещи, как дорогуший стейк, явно не подозревая о недовольстве любимого супруга. Жена, Дорис, считала, что муж игнорировал ее, почти не разговаривал, и она надеялась, что он обрадуется, если она приготовит ему этот стейк. Нелли поерзала на стуле, положила ногу на ногу и хорошенько

затянулась, размышляя, какой совет она дала бы этой паре, промариновавшейся в браке с десятков лет. Во-первых, она бы посоветовала жене неделю ничего не готовить и посмотреть, что будет. Во-вторых, мужу она бы посоветовала поговорить с женой и не рассчитывать, что та читает его мысли.

А вот и совет психолога: *Дорис пора понять, что ее дорогие обеды лишь ухудшают стресс бедного, обеспокоенного Гордона, а значит, и ее; не стоит ожидать, что Гордон расскажет Дорис, что он чувствует... она должна сама это знать.* Как и полагается хорошей жене.

Нелли – которая уже почти год была миссис Ричард Мёрдок – фыркнула, сочувствуя проблеме Дорис и Гордона, уверенная, что никогда не согласилась бы с таким советом. Она чувствовала себя счастливой с той самой минуты, когда в элитарном ночном клубе Ричард высмотрел ее среди множества девиц и заявил, что она станет его женой. Пускай он был не очень красивым по сравнению с мужьями ее подружек и не самым внимательным, но у него было свое обаяние. В тот вечер Ричард в буквальном смысле вывел ее из равновесия, подхватив на руки и потащив к своему столику, когда услышал, что сегодня ей исполнился двадцать один год. Он угостил ее дорогим шампанским и так осыпал комплиментами, что у нее закружилась голова. С тех пор прошло два года. Нелли обнаружила, что он не такой уж и безупречный (но разве есть на свете люди без изъянов?); и все же он обеспечил ей безбедное существование и обязательно будет забот-

ливым отцом. Что еще жене нужно от мужа?

Она потушила сигарету, постучала по мундштуку, вытряхнув окурки, и налила себе стакан лимонада. Время шло. Она знала, что ей еще предстоит приготовить обед. Ричард просил сделать что-нибудь простое, потому что у него заболел желудок. Пару лет назад он страдал от ужасной язвы, и время от времени болезнь напоминала о себе. На этой неделе продавались гамбургеры, и Нелли купила их впрок на несколько готовок. Ричард часто убеждал ее не экономить, но она была с детства приучена к разумным тратам. Деньги, всегда водившиеся в семье Ричарда, теперь стали их деньгами. Его мать, Грейс, умерла через четыре недели после их свадьбы.

Она достала с полки «Поваренную книгу для современной хозяйки» – библию ее матери. Корешок давно растрепался, страницы покрылись жирными пятнами от сопровождавших чтение готовок. Напевая последнюю новинку Пресли «Гончая собака», Нелли неторопливо пила лимонад и перелистывала страницы, пока не нашла то, что искала. Рядом со списком ингредиентов аккуратным почерком матери было написано *Мясной хлеб с овсянкой*.

Отложив книгу, Нелли допила лимонад и решила выйти в сад – время еще было. На улице стояла жуткая жара, разумнее было бы надеть шляпку, но Нелли нравилось ощущать лучи солнца на лице. Россыпь веснушек, уже появившаяся с начала лета под глазами, привела бы в ужас ее свекровь,

ценившую безупречную, бархатную кожу. Но придиричивая Грейс Мёрдок уже не могла высказать свое мнение, и Нелли вышла на улицу без шляпки.

Она любила свой сад, а сад любил ее. Ей завидовали все вокруг, ее цветы распускались раньше соседских и долго радовали своей красотой, когда в других садах хозяева уже всю срезали осыпавшиеся стебли. Как они ни старались, ни у кого не было таких роскошных клумб, как у Нелли Мёрдок.

Всем до смерти хотелось выведать ее секрет, а Нелли уверяла, что никакого секрета и не было – просто нужно вовремя обрезать растения и полоть клумбы, а еще понимать, каким цветам требуется много солнца, а какие блаженствуют в сырых и тенистых уголках. Ничего необычного, уверяла она. Но слегка лукавила. С детских лет Нелли возилась в саду вместе с матерью, Элси Суонн, проводившей больше времени среди растений, чем среди людей.

Во время теплых месяцев мать Нелли была веселой, остроумной и активно интересовалась жизнью дочери. Но когда в конце летнего сезона цветы умирали и превращались в бурю массу, мать пряталась в свою раковину, туда, где никто не мог до нее добраться. Нелли так и росла, ненавидя холодные, темные месяцы (она и сейчас их ненавидит), когда ее мать глядела стеклянными глазами в кухонный потолок и не замечала стараний дочери. Как та следила за хозяйством, как пыталась удержать в семье никчемного отца, чтобы тот не бросил их, как когда-то дед бросил их бабу.

Во время этих вспышек света, чередовавшихся с мрачными полосами, Элси научила дочку всему, что знала и умела сама, научила готовить и работать в саду. Она всегда приходила в себя, когда таял снег, а день становился длиннее. Нелли с матерью были неразлучны, особенно когда от них ушел отец, встретив молодую и менее *сложную* женщину. Пот струился между грудями Нелли, заключенными в массивный бюстгальтер, накапливался в ямке пупка и в складках под коленями. Пожалуй, нужно было надеть шорты, а не комбинезон. Она подумала, а не подняться ли наверх, чтобы переодеться. Но ничего. Жара пойдет ей на пользу. Она тихонечко пела песни цветам, поглаживая пурпурные лепестки монарды, которую так любят колибри.

– Доченька, даже растениям нужны ласковые прикосновения и добрые песни, – наставляла мать. И пускай Нелли не так ловко обращалась с растениями, мать научила ее любить цветы.

Закончив прополку, Нелли сорвала пару веточек зелени, растерла пальцами листочек петрушки и поднесла к носу. Запах был резким и приятным.

Уже на кухне она помыла и нарезала петрушку, добавила ее в мясной фарш, в который отправилась и щепотка сушеных трав, выращенных в ее саду. Нелли еще раз изучила рецепт, чтобы убедиться, что ничего не забыла. Она готовила по нему сотню раз, но все равно любила четко и поэтапно выполнять все шаги. Нелли знала, что мясной хлеб подру-

мянится сверху, но внутри останется сочным, как и любил Ричард.

Нелли надеялась, что вечером мужу станет лучше и боли в желудке прекратятся. Утром он с трудом позавтракал. Пожалуй, ему пойдет на пользу фенхель и холодный чай с перечной мятой – муж не любил горячие напитки. Подпевая песне из радиоприемника, она сорвала листочки мяты, надеясь, что Ричард вернется домой вовремя и не опоздает. Ее переполняли чудесные новости, и ей не терпелось поделиться ими.

5

*Успешная жена – та же карьера.
Такая женщина должна обладать качествами
дипломата, хорошего кулинара, квалифицированной
сиделки, школьного учителя, политика и гламурной
девчонки.*

– Эмили Мадд «Лучшая женская роль» (1959)

Элис

20 мая 2018 года

Голова у Элис раскалывалась от беспокойно сигналящего грузовика, подъезжавшего задним ходом к дому. *К их дому.* Подъездная дорога была довольно длинной, на ней хватило бы места для двух машин, даже для трех, если те встанут бампер к бамперу. Всего за пару часов до этого они с Нейтом много раз спускались с восьмого этажа к грузовику, наполняя его пожитками – которые, словно элементы из игры в тетрис, с трудом размещались в их квартирке в Марри-Хилл, но теперь легко уместились в грузовике.

Накануне, в их последний вечер в Манхэттене, лучшая подруга Элис, Бронвин, устроила для них прощальную вечеринку. Она оделась во все черное и даже нацепила похоронную шляпку с черной вуалью, которую купила в комиссион-

ке.

– Что? Я в трауре, – объявила она, надув губы, когда Элис удивленно посмотрела на ее шляпку. Временами Бронвин впадала в мелодраматизм – однажды, когда они с Элис жили в одной комнате, она позвонила в 911 из-за мыши, выбежавшей из-под шкафа, – но она лучше всех знала Элис, и та поняла, что, хотя со шляпкой получился некоторый перебор, чувства подружки были искренними. Еще год назад Элис высмеяла бы само предложение переехать из города куда-нибудь подальше, но все меняется, в том числе и люди. Или, как в случае с Элис, люди сначала совершают маленькую ошибку и потом разрушают свою жизнь, когда у них не остается иного выбора, кроме как измениться.

Взяв в ладони лицо Бронвин, Элис сказала:

– Я не умираю. Это всего лишь Гринвилл, понятно? Перемена к лучшему. – Она сдерживала слезы и надеялась скрыть за широкой улыбкой свою тревогу.

Бронвин видела ее насквозь.

– Перемена к лучшему, – повторила она, – этот город вообще-то слишком переоценен. – И предложила надраться, что они и сделали. Около полуночи они сбежали из переполненной гостиной Бронвин – их друзья сидели плечом к плечу в тесном, сыром помещении – и распили последнюю бутылку текилы на пожарной лестнице. У Элис начал заплетаться язык, а Бронвин и вовсе уснула, положив голову на колени лучшей подруги.

И вот после очень раннего звонка будильника и безрезультатных рвотных позывов, выпив слишком мало кофе, Элис была в мрачном настроении. Ей хотелось, чтобы грузовик перестал сигналить. Но, пожалуй, больше всего ей сейчас хотелось лечь на заросшую травой подъездную дорогу прямо под колеса грузовика, чтобы они придавили ее, избавив от похмелья. Она усмехнулась, представив себе, как Беверли будет рассказывать эту историю следующим покупателям дома.

– Ты чего смеешься? – спросил Нейт, подтолкнув Элис.

– Ничего. – Она покачала головой. – Я не могу поверить, что мы здесь.

– Все нормально? – Нейт посмотрел ей в глаза.

– Более-менее. Вот только голова у меня сейчас лопнет.

– Бедная девочка. – Нейт положил ей руку на плечи и поцеловал в висок. Свободной рукой он потер свое лицо, щурясь от яркого солнца. Темные очки были у него на лбу, но он как будто не помнил об этом. – У меня тоже похмелье.

К их облегчению, грузовик остановился, и сигнал заднего хода наконец-то умолк.

Элис передвинула очки с его лба на глаза.

– Как ты думаешь, мы можем заплатить им, чтобы они все распаковали? И мы тогда ляжем спать.

– Я думаю, мы должны экономить денежки, – ответил Нейт, и, несмотря на его мягкий тон, Элис кольнуло чувство вины. Он зарабатывал много – гораздо больше, чем Элис ко-

гда-либо получала или будет получать, – и впереди его ждала значительная прибавка, когда через несколько месяцев он сдаст свой очередной, и последний, актуарный экзамен. Плюс ко всему он был ответственным инвестором и клиентом банка. Но сейчас только его платежный чек держал их на плаву.

– Ты прав, – заключила Элис и привстала на цыпочки, чтобы поцеловать его. – Я говорила, как люблю тебя, хоть ты и забыл сегодня утром почистить зубы?

Нейт тихонько засмеялся и прикрыл ладонью рот, но Элис убрала его руку.

– Мне все равно.

Она взвизгнула, когда он обнял ее за талию и наклонил; ее рука в поисках опоры схватилась за его очки и сорвала их. Нейт дернулся, пытаясь подхватить их, и уронил Элис на тротуар. Они лежали рядом на асфальте; Элис хохотала так, что не могла произнести ни звука.

– Все в порядке? – спросил он и подложил ладонь ей под голову, потом улыбнулся, увидев, что жена извивалась от смеха, а не от боли.

– Почти, – пробормотала Элис и надела на него очки. Нейт поднял ее на ноги, они оба отряхивались, когда к дому подъехала Беверли на «лексусе».

Она вышла из машины, на этот раз позвякивая серебряными браслетами, украшавшими ее голую руку. Кожа на ней обвисла, когда риелторша помахала им рукой, и Элис тут же

потрогала свои руки и подумала, что ей надо обязательно заняться фитнесом.

– Эли! Нейт! Привет! – Беверли несла в другой руке какую-то корзинку; целлофан торчал в разные стороны из-под бледно-желтой ленты. – Сегодня знаменательный день. Представляю ваш восторг!

Беверли сунула корзинку в руки Элис; корзинка оказалась тяжелой, и Элис чуть ее не уронила.

– Ой, осторожнее, – сказала Беверли и поддержала рукой Элис. – Это бутылка изысканного вина; не стоит поливать им эти цветы. – Из трещин в цементе торчали головки одуванчиков. Вероятно, риелторша мало что понимала в цветоводстве, раз назвала цветами эти сорняки.

– Спасибо, Беверли. – Элис крепче сжала подарок. Целлофан царапал ей подбородок, и она надела корзинку на локоть. – Зачем вы потратились?

Беверли лишь махнула рукой.

– Не говорите глупости. Это чудесный день. – Она вручила Нейту ключи от входной двери. – Я думаю, вы будете тут счастливы. Да, очень счастливы.

6

Вы можете подтолкнуть мужчину к тому, чтобы он сделал вам предложение. Аргументированно и с достоинством убедите его, что именно семья служит основой для полноценной и счастливой жизни и что он никогда не увидит этого, если останется холостяком.

– Элис Майкл «Как заставить его сделать предложение», «Коронет» (1951)

Элис

Элис и Нейт легли спать в новой спальне, слегка захмелевшие от подаренной Беверли бутылки вина. Они устроились под теплым одеялом на матрасе, который положили на пол, слишком уставшие, чтобы собирать кровать. Комнату освещала лишь небольшая лампа, стоявшая на полу возле дальней стены. У Элис болело все тело, мышцы умоляли о массаже и горячей ванне. Она подумала о ней, ржавой и пожелтевшей, и решила, что в этот вечер ей хватит и душа, если она найдет в себе силы встать. На окнах пока не было штор, и небо казалось каким-то невероятно черным. Мрак рассеивали лишь проезжавшие машины и сотни окон в соседних зданиях. Еще было тихо. Немыслимо тихо.

Вспомнив о коробке, которую она оставила за дверью спальни, Элис неохотно выбралась из теплой постели и зашлепала босиком по полу.

— У меня тут для тебя подарочек, — сказала она. — Так, мелочь, поэтому не слишком радуйся. — Она достала из картонной коробки продолговатый сверток, перевязанный золотой лентой с бантом. Села на одеяло, подтянув под себя ноги, и накрыла их подолом ночной рубашки, чтобы не мерзнуть. С улыбкой она протянула сверток мужу. — Желаю тебе обустроить дом и согреться, любовь моя.

— Что? — Нейт удивленно поднял брови. — А я ничего тебе не подарил. — Он сел рядом с ней и взял подарок.

— Ты купил мне дом, — возразила она.

— Мы купили этот дом. — Нейт уткнулся в шею Элис, улов ее отросшей за день щетиной, и нежно поцеловал. Она не стала поправлять его, не напомнила, что на первый платеж ушли в основном его сбережения.

— Разверни, — сказала она.

Он торопливо дернул за бант и сорвал обертку. Приподнял крышку белой коробки, развернул папиросную бумагу, накрывавшую подарок, и расхохотался.

— Нравится? — усмехнулась Элис.

Он снова поцеловал ее.

— Нравится. — Он взял в правую руку полированную деревянную рукоятку и сделал вид, что забивает невидимый гвоздь. — Отличный подарок. — Нейт провел пальцами по ру-

коятке, где Элис написала «Мистер Хейл».

– Я очень рада, ведь приятно, когда есть набор. – Она вернулась к двери и вынула из коробки такой же молоток, свой собственный, с надписью «Миссис Хейл».

– Ты у меня умница, – пробормотал он с улыбкой. – Спасибо. Будем надеяться, что я искалечу не все свои пальцы.

– Я тоже надеюсь, – засмеялась она и, немного помолчав, добавила: – Работы у нас выше крыши. Мы тут ноги протянем.

– Конечно. Но мы хотя бы протянем их вместе. – Он взял у нее молоток и положил его на пол рядом со своим. – Завтра мы их окрестим. – Он ласково толкнул ее на матрас, задрал на ней рубашку и погладил ее живот. Элис задрожала от холода и от щекотки, когда Нейт начал медленно водить большим пальцем вокруг ее пупка.

– Детка, мы наладим нормальную жизнь в доме, – пробормотал Нейт. – Я позабочусь о нас.

Нейт Хейл и Элис Ливингстон познакомились в Центральном парке на беговой дорожке, огибавшей озеро. Он бежал к ней навстречу, но она не замечала его, потому что наступила на собачьи фекалии и отчаянно пыталась вытереть подошву кроссовки. Нейт был настоящим бегуном – GPS-часы, рубашка из влаговпитывающей ткани с нашитыми светоотражающими полосками, пояс из лайкры с карманами для бутылочек воды и упругий, почти без усилий бег. У

Элис это была всего лишь вторая попытка. Позже ей понравилось бегать, но в тот момент она ненавидела это занятие.

Когда Нейт заметил Элис, она прыгала на одной ноге, брезгливо вытянув руку – а ее испачканная кроссовка висела на шнурках.

– Вам помочь? – Нейт замедлил бег, поравнявшись с Элис. Он был симпатичный, с красивой стрижкой, которая, казалось, останется такой же аккуратной еще месяц. Длинные, темные ресницы. Стройный, и вообще – все при нем, это было трудно не заметить – сначала, когда он задрал рубашку, чтобы вытереть пот, заливавший глаза, а через несколько часов уже в спальне Элис.

– Я наступила в эту гадость. – Она еле сдерживала рвотные позывы.

– Дай-ка мне. – Нейт протянул руку, и Элис с радостью отдала ему кроссовку. Он отошел на зеленый клочок травы под деревом. – Кстати, я Нейт, – сказал он через плечо, когда она ковыляла за ним на цыпочках. – Я пожал бы тебе руку, но не сейчас. – Он усмехнулся, и Элис отметила его улыбку.

– Элис, – сказала она. – И спасибо. Ты спас меня, иначе я бы рассталась со своим завтраком.

Нейт присел на корточки и решительно провел по траве испачканной кроссовкой. Элис обдумывала, как она дойдет до дома и выбросит его в ближайшую урну. Проверив подошву, Нейт снова вытер ее о траву и вынул из спортивного пояса маленькую бутылочку с водой. Он выдавил струйку на

подошву, и Элис отвернулась, не в силах наблюдать за происходящим. Ее стошнило на траву энергетиком *Gatorade* и половинкой банана.

Через пятнадцать минут они уже сидели на скамейке (Нейт превосходно выполнил свою работу) и лакомились фруктовым льдом, который он купил с проезжавшей мимо тележки, чтобы успокоить желудок Элис.

– Итак, Элис, расскажи мне о трех вещах, которые мне нужно о тебе знать.

– Хм-м. Помимо того что собачье дерьмо вызывает у меня рвоту? – смущенно спросила она. Нейт рассмеялся. – Кстати, извини, что так получилось.

– Все нормально, – ответил Нейт и лизнул лед, который быстро таял из-за жары. – Моя сегодняшняя пробежка оказалась гораздо интереснее предыдущих – благодаря тебе. – Он улыбнулся, и Элис, хоть и переживала из-за своего слабого желудка, уловила нотки флирта в речи спасителя.

– Итак, три вещи, – напомнил он.

– Первая – я пиар-менеджер, работы очень много, но мне она нравится. Вторая – я на самом деле не бегунья, только притворяюсь. – Она жестом показала на свои шорты и кроссовки. – Я второй раз здесь.

– Ну, и как? Теперь ты будешь бегать, Элис... какая у тебя фамилия?

– Ливингстон. Насчет этого я еще подумаю. – Она засмеялась. – Не могу назвать сегодняшнюю пробежку удачной.

– А третья? – Нейт уже покончил со своим мороженым и, сжимая в зубах деревянную палочку, откинулся на спинку скамьи, пристально посмотрев на Элис.

Она покраснела, и по ее телу разлилось тепло, никак не связанное с разогретыми от пробежки мышцами.

– Третья... Вообще-то я не ем фруктовый лед с незнакомцами, сидя на скамейке в Центральном парке.

Нейт усмехнулся, и это было заразительно.

– Ну, а я в первый раз купил лед девушке, которую передо мной стошнило, так что, пожалуй, нам обоим в новинку происходящее.

– Ты клевый, – пробормотала Элис, безуспешно пытаясь справиться с мороженым. Пальцы мгновенно стали липкими.

– Вытяни руки, – сказал Нейт, достав бутылочку. Элис послушалась. Нейт полил водой ее ладони и вытер их своей рубашкой. Ей показалось, что он намеренно делал все очень медленно.

– Я не знаю, продолжишь ли ты бегать по утрам... понятно, что этот инцидент с кроссовкой может отбить у тебя всякую охоту, – сказал Нейт с серьезным выражением на лице, рассмешившим Элис, но она тут же скрючилась и приложила ладонь к животу. – Я бываю здесь несколько раз в неделю и, знаешь, с радостью дам тебе парочку советов, если ты захочешь рискнуть.

– Ты приглашаешь меня на спортивное свидание, Нейт...

Постой, какая у тебя фамилия?

Он протянул руку.

– Нейт Хейл. Бегун, актуарный аналитик, другими словами – я работаю с числами. И вообще я хороший парень, и мое хобби – приходить на помощь расстроенным девушкам.

Через тридцать минут их обнаженные тела прижимались друг к другу под горячим душем в квартирке Элис, кроссовки валялись возле входной двери, а к ванной комнате вела дорожка из сброшенной с себя спешно одежды. Элис, как правило, не приглашала к себе парней, с которыми только что познакомилась, но Нейт был не такой, как другие. Она сразу это поняла.

Вскоре Элис почти все ночи проводила у Нейта, а Бронвин начала задавать вопросы – с легкой обидой, поскольку Элис до появления Нейта утверждала, что она *не* создана для близких отношений с мужчинами, и Бронвин, считавшая себя такой же неудачницей, надеялась, что они будут жить вместе.

Элис познакомилась с Бронвин Мёрфи несколькими годами ранее, они обе были начинающими пиар-менеджерами, принятыми на работу с разницей в неделю. Их объединяли страх и преклонение перед боссом Джорджией Уиттингтон. Хотя Элис считала себя амбициозной, ей было далеко до своей подруги. Для Бронвин фирма и Джорджия были просто ступенями, и она намеревалась либо работать полный рабочий день, либо уйти без всяких колебаний. Не по-

лучив у Джорджии обещанного повышения, Бронвин уволилась. Она упрашивала Элис – тогда они жили в одной квартире – уйти вместе с ней, но Элис не хотела терять трудовой стаж и надеялась, что будет в скором времени награждена за преданность и трудолюбие. Теперь Бронвин зарабатывала в конкурирующей фирме вдвое больше, чем Элис в ее лучшие времена, и стала уже «директором по связям с общественностью».

– Мне будет трудно найти кого-то, кто понимает мои потребности, – сказала Бронвин, когда Элис заглянула в их квартиру, чтобы забрать кое-какие вещи и переночевать у Нейта. – Кто-то еще, может, захочет включить духовку, чтобы запечь курицу. – Элис обняла подругу – Бронвин все время держала в духовке несколько пар обуви, потому что в шкафах уже не было места.

– Ты теперь такая *солидная*. – Бронвин тяжело плюхнулась на кровать Элис и наблюдала, как ее подруга засовывала в сумку несколько комплектов нижнего белья. – Я скучаю по прикольной Элис! Она всегда успокаивала меня и одобряла все мои поступки.

– Она всегда с тобой! Не преувеличивай, Брон. Да, у меня появился друг. Но я по-прежнему твоя близкая подруга и никогда не брошу тебя. Не переживай.

– Ладно, – буркнула Бронвин, помогая Элис складывать футболки. – Но если ты устроишь мне новую серию «Стэпфордских жен»...

Через несколько месяцев Элис окончательно перебралась к Нейту, а еще через полгода во время утренней пробежки в Центральном парке Нейт сделал ей предложение. Возле той самой скамейки, на которой они ели фруктовый лед, он вынул из маленького кармашка беговых шорт кольцо с бриллиантом и встал на одно колено под ликование прохожих.

Элис любила Нейта. Всем сердцем. Поначалу это пугало, потому что она не ожидала этого, а ее предшествующий опыт был неудачным. Последние серьезные отношения были у нее с коллегой Джозефом Брэдли, милым и успешным. Он был влюблен в нее, но позже стало ясно, что он ублюдок и самодур. Поначалу ее настораживали мелочи: ему не нравилась длина ее платья (слишком короткая) или цвет губной помады (слишком яркий), он был против ее пятничных вечеринок с коллегами, ворчал, что относится к их отношениям серьезнее, чем она; никогда не спрашивал ее про работу и предпочитал рассказывать про свои достижения.

Поначалу она не придавала этому значения, объясняла его поведение тем, что он уверенный в себе парень, эгоцентрик, но это еще не повод для беспокойства. Пока он не пробил дыру в стене ее комнаты в нескольких дюймах от ее головы, когда она заявила, что не поедет на свадьбу его брата, потому что у нее была температура под сорок. Элис тут же порвала с ним, но Брэдли совершенно отбил у нее желание общаться с противоположным полом, и она не встречалась ни с кем больше года. Пока не познакомилась с Нейтом.

– Почему я ответила согласием на предложение Нейта? Все очень просто. Жизнь с Нейтом лучше, чем жизнь без него, – призналась Элис на их свадьбе, держа в одной руке бокал шампанского, а в другой ладонь Нейта. Он поцеловал ее в губы, влажные от шампанского, под аплодисменты растроганных до слез гостей, и Элис подумала, что это самый замечательный момент в ее жизни и другого такого не будет.

Нелли

15 сентября 1955 года

Печенье с шоколадными каплями

1 чашка маргарина или сливочного масла

$\frac{3}{4}$ чашки бурого сахара

$\frac{1}{4}$ чашки сахарного песка

2 яйца

1 ст. л. молока

$1\frac{1}{2}$ чашки муки

$\frac{1}{2}$ ч. л. пищевой соды

$\frac{1}{2}$ ч. л. гвоздики

$\frac{1}{4}$ ч. л. соли

1 чашка кусочков полусладкого шоколада

$\frac{1}{4}$ чашки кокосовой мякоти

Растопите маргарин или масло, постепенно добавляя в него сахар, и перемешайте до однородной массы. Добавьте взбитые яйца с молоком. Просейте смесь из муки, соды,

гвоздики и соли и добавьте в сладкую массу. Нарежьте шоколад мелкими кусочками и добавьте в тесто вместе с кокосом. Зачерпывайте чайной ложкой тесто и выкладывайте котлетками на смазанный жиром противень на расстоянии 2 дюймов друг от друга. Выпекайте в духовке 12–15 минут при температуре 180 °С.

Нелли пристроила поднос с печеньем на заднем сиденье двухдверного желтого *Studebaker* – машину выбирал сам Ричард, но позволил Нелли выбрать ее цвет, который напоминал ей желтые чайные розы в саду матери, – и села сама. Провела ладонями по черному платью, разглаживая на нем складки, натянула перчатки и с беспокойной душой стала ждать Ричарда. Они спорили все утро, он требовал, чтобы она осталась дома («беременным не место на похоронах»), а Нелли возражала, что нормально себя чувствует и поедет на похороны Гарри Стюарта, несмотря на глупые предрассудки покойной свекрови. Иначе как все работники воспримут ее отсутствие? Тем более что и сам Ричард серьезно относился к таким вещам. Она взяла печенье и вышла к машине, не оставив ему выбора.

Когда Ричард подъехал к церкви, Нелли увидела большую группу людей в трауре. Гарри Стюарт был одним из лучших торговых агентов Ричарда и умер в поезде утром по дороге на работу в минувшую пятницу. Он сидел, прислонившись к стенке вагона, и, казалось, спал. Лишь когда поезд резко затормозил – и Гарри упал вперед на колени другого

пассажира, – все поняли, что случилось ужасное. Гарри было тридцать шесть лет, он был на год старше Ричарда, отец семейства. «Сердечный приступ», – сообщил потрясенный Ричард; Нелли никогда еще не видела его таким. Вероятно, он представил себя на месте Гарри – как пассажиры какое-то время не замечали, что он умер, читали газеты, курили сигареты, болтали о пустяках.

Всю эту неделю Нелли видела страх в глазах Ричарда, когда он общался с шокированными работниками, помогал вдове Гарри готовиться к похоронам, которые он оплатил сам. Нелли пыталась представить себе, что в том поезде был Ричард и что он мгновенно умер, когда его сердце перестало биться. Стояла бы она сама на ступенях церкви, как сейчас Мод, вдова Гарри? Прижимая вышитый носовой платочек с церковного базара к опухшим, полным отчаяния глазам? Но Нелли не могла поставить себя на ее место. И не потому, что не могла понять ее горе, просто у нее и Мод Стюарт было так мало общего.

Четыре дочки Мод стояли там же в ряд, как русские матрешки, от старшей, самой высокой, до младшей – четырех или пяти лет. Мод сделала мудрый выбор, когда вышла замуж за Гарри. Он был очень добрый, любил своих детей, жену и Бога, именно в таком порядке. Нелли видела его лишь несколько раз, но моментально заметила свет в его глазах, когда их познакомили, а еще то, что он никогда не шел впереди своей жены – всегда рядом. Нелли взглянула на Ричарда,

на его насупленное лицо, и у нее зашевелилось под ложечкой беспокойство. Он приложил руку к левой стороне груди и нахмурился еще больше.

– У тебя все в порядке? – спросила Нелли.

Ричард игнорировал ее вопрос, вышел и открыл для жены дверцу. Нелли взяла его под руку, и они пошли бок о бок к вдове Стюарт и ее грустным дочкам, стоявшим на церковных ступенях.

Нелли стояла в церкви, вонзив в ладони наманикюренные ногти; ее дыхание вернулось к норме, лишь когда они снова вышли из тяжелых дверей храма на улицу. Она ненавидела похороны. С их предсказуемостью и горем осиротевших родных. Сумрачные лица, негромкое бормотание слов сочувствия и утешения, тихие слезы, льющиеся по щекам, носовые платочки, скомканные в кулаке. Все отпевание она ждала, что из передних рядов вырвется мучительный вой, подтверждающий важность жизни покойного. Либо прерывистый вздох, подавленное рыдание. Нелли была бы рада этому. Вообще, она была бы признательна за такую открытую демонстрацию горя, если бы сама лежала в гробу возле церкви. Но похороны устраиваются не для усопших, они для живых.

После кладбища они поехали в дом Стюарта на ланч. Нелли взглянула на поднос на заднем сиденье, на безупречные ряды шоколадного печенья. Ричард не одобрил их вклад в поминальный ланч – мол, печенье недостаточно солидно для

такой трапезы.

– Ты ведь так хорошо готовишь, Нелли, – сказал он, но она знала, что он на самом деле имел в виду. Он считал, что печенье – слишком маленький вклад от их семьи.

Вот только Ричард ничего не знал о печали – ведь это женский удел – и о том, как простой кусочек шоколада может поднять настроение. К тому же Нелли накануне вечером уже поставила в холодильник Мод рагу из цыпленка, когда была у нее на поминках без Ричарда – у него опять разболелся желудок. В четвертый раз на этой неделе. Он обещал Нелли, что в ближайшее время побывает у доктора Джонсона, но когда она напомнила ему, то он заявил, что это не ее забота. Не ее забота! Она его жена; тогда чья это забота?

По дороге Нелли думала о том, сколько тарелок с холодной нарезкой, мясными запеканками и салатом под желе украсят обеденный стол у Мод, и знала, что печенье будет кстати. Ее мама всегда говорила, что любой человек чувствует себя лучше, когда съест шоколад.

В доме Стюартов было полно народу. Ричард держался рядом с Нелли, обняв ее за талию. Они нашли Мод в большом кресле в гостиной; рядом на столике стояла большая фотография ее семьи, у всех были поразительно схожие улыбки.

– Ох, Дик. Нелли. Спасибо вам, что пришли сегодня, – сказала Мод. Кожа на ее лице была какой-то нездоровой и обвисшей. – И спасибо за цыпленка, Нелли. Нам было очень жалко, что вчера на поминках тебя не было, Дик. Надеюсь,

тебе уже лучше?

Ричард напрягся, его пальцы впились сквозь ткань платья в талию Нелли. Но она терпела и спокойно стояла.

– Я абсолютно здоров, – ответил Ричард громче, чем было необходимо, словно доказывая это, и тепло улыбнулся Мод. – Гарри был замечательным парнем. Как жалко его, как жалко, черт побери. Пожалуйста, прими наши глубочайшие соболезнования тебе и твоим девочкам. Если что будет нужно, Мод, не стесняйся и говори. Гарри был важным человеком в нашей фирме.

Они обменивались вежливыми фразами еще минуту, как полагается в такой ситуации, потом перешли в столовую, сославшись на то, что им надо поставить поднос с едой.

– Тебе нельзя было говорить Мод Стюарт о моем недомогании, – прошипел Ричард ей в ухо. Нелли шла к столу, не убирая улыбку с лица, и с удовлетворением отметила, что печенья на подносе стало меньше. Но радость быстро прошла, когда они сели в тихий угол с угощениями, к которым они почти не прикоснулись, и Ричард снова зашипел на нее: – Ты должна была сказать, что у меня чрезвычайная ситуация на производстве.

Чрезвычайная ситуация на производстве. Для Ричарда бизнес – жевательная резинка. Какая могла случиться чрезвычайная ситуация? Не говоря уж о том, что на поминках было полно коллег Ричарда и они тоже знали, что на работе все в порядке.

– Прости. Я забыла.

– Забыла? – Ричард случайно задел ее тарелкой. *Случайно.* Но было больно. Нелли инстинктивно отшатнулась и неудачно ударилась локтем о спинку стула. Ее тарелка накренилась, и желе упало на ковер.

– Боже мой, – сказала Нелли. Она нагнулась, чтобы вытереть ковер.

– Нелли, пускай этим займется их девочка. – Голос Ричарда звучал тихо, но его тон был очень убедительным.

Ее сердце учащенно билось. Она встала и положила испачканную салфетку рядом с тарелкой.

– Нам пора.

– Рано еще уходить, Ричард, – спокойно возразила Нелли. – Мы только приехали.

– Скажи, что ты устала. Это нормально в твоем положении.

– Ладно. – Она направилась к Мод, но остановилась, когда Ричард не пошел за ней. – Ты не идешь?

– Я пойду за машиной. – Он слегка стиснул зубы – так он делал всегда, когда злился. В последние месяцы Нелли был слишком знаком этот его взгляд, когда исчезал тот Ричард, с которым она познакомилась в ночном клубе, а вместо него появлялся другой, раздраженный и капризный. Она хотела еще раз извиниться за то, что сообщила Мод о его недомогании, но тут один из управляющих Ричарда стукнул его по плечу, и Ричард, отвернувшись от Нелли, заготовленно

улыбнулся и крепко пожал ему руку. Ее всегда удивляла та легкость, с какой он переключал свое настроение.

Воспользовавшись этим, Нелли вернулась к Мод.

– Я так долго была на ногах, меня немножко ломает, и Ричард настаивает, чтобы я вернулась и легла в постель.

Мод с сочувствием закивала, предложила ей выпить горячего молока с мускатным орехом после приезда домой и положить подушку под ноги.

– Хорошо, спасибо за совет. – Нелли тепло улыбнулась. – Пожалуйста, Мод, дай мне знать, если тебе что-то понадобится. Ведь я живу недалеко от вас.

– Ты очень добра к нам, Нелли. – Мод сложила руки и огляделась. – Куда ушел Дик?

– За машиной.

– Он хороший человек, – с тоской и завистью проговорила Мод. Она вытерла пару слезинок. – Тебе очень повезло... – У нее дрогнул голос, и Нелли ласково сжала ее локоть. – Ты держись за него, слышишь?

Нелли заверила Мод, что все так и сделает, и вздохнула с облегчением, когда покинула дом Стюартов. Но все равно ощутила стеснение в груди при виде Ричарда, припарковавшегося у тротуара перед домом. Заботливый, любящий супруг, хороший человек... Как ей повезло... *Ты держись за него, слышишь?*

Ричард устроил настоящее шоу – обхватив ее за плечи, он заботливо вел жену к машине, и она подыгрывала ему,

зная, что он ждал этого от нее. Тяжело опиралась на его руку. Такая любовь и забота наверняка были отмечены любопытными глазами, наблюдавшими за ними из дома. Сейчас это был тот самый Ричард, каким он был, когда они познакомились. Ей очень не хватало его, и сейчас она наслаждалась его недолгим вниманием.

Но когда он устроил Нелли на пассажирском сиденье и тронул *Studebaker* с места, к нему вернулось мрачное настроение. Нелли ощутила перемену, словно порыв холодного ветра – ты знаешь, что он вот-вот налетит, но все же дрожишь, когда он ударяет тебе в лицо. Ричард угрюмо молчал, ни разу не взглянул на нее, и Нелли знала, что он скорее всего будет злиться весь вечер, но после одной-двух порций виски наступит прощение, и он снова станет хорошим супругом, каковым себя считал. Ей хотелось отмотать время назад, вернуть то утро, когда Ричард разбудил ее, нежно поцеловав в лоб, а его ладонь гладила ее увеличившийся живот. Двумикий Янус – ее Ричард.

Нелли глядела в окно, думала об обеде – надо ли ей сразу по приезде вынуть свиные отбивные из морозилки, чтобы те оттаяли. И тут Ричард протянул руку и схватил ее за бедро.

– Ой! – воскликнула она. – Ричард, пожалуйста! Мне больно.

Он не глядел на нее и не разжимал пальцы.

– Нелли, мои работники не должны знать, что я болен.

– Я уже попросила у тебя прощения. Я не хотела создавать

проблемы. Теперь, пожалуйста, убери свою руку. – Но его пальцы вонзились еще глубже, так, словно хотели выдавить у нее кости из-под кожи. Нелли знала, что завтра у нее проступят синяки, но они будут спрятаны под юбкой или комбинезоном, так что их никто не увидит. Ричард никогда не бил ее, но у Нелли это были не первые синяки за время их брака. Впрочем, он не поднимал на нее руку в гневе с тех пор, как узнал о ее беременности, и она наивно думала, что его предыдущие взрывы гнева были связаны с его разочарованием. Ричард очень хотел, чтобы у них родился ребенок, а Нелли никак не могла забеременеть в первый год их брака, и это было постоянным источником напряженных отношений в их семье.

– Я не могу тебя видеть. Мне хочется высадить тебя из машины, чтобы ты шла до дома пешком. Что ты скажешь, Элеанор?

У Нелли опухли ноги и начинали жать туфли.

– Прости, Ричард. Не заставляй меня идти пешком. – Когда-то отец Нелли резко ударил по тормозам в четырех милях от дома и велел пятилетней Нелли и ее матери выйти из машины. Он выпил слишком много за обедом, злился, а Нелли за минуту до этого колотила ногами по спинке его водительского кресла, ее маленькие ножки не знали покоя и устали от неподвижности. Нелли с матерью пришлось идти домой в темноте. Элси сбила каблуки своей единственной приличной пары туфель, когда взяла на руки полусонную дочку

и несла ее так последнюю милю. Отец Нелли был жестоким человеком, и ей не верилось, что Ричард, как бы она ни провинилась, мог высадить ее на обочину – особенно в ее положении.

Несмотря на угрозу, Ричард не остановил машину, но и не отпускал ее бедро, как она ни просила прощения. Внезапно ее пронзила острая боль. Нелли согнулась пополам.

– Что? – Рука Ричарда разжалась; онемевшую ногу закололо иголками, когда кровь снова наполнила капилляры.

– Я... я не знаю. – Она больше не могла сдерживать слезы. Боль была ужасной.

– Я отвезу тебя в больницу. – Ричард развернул машину.

– Нет! Пожалуйста, не надо! – Нелли хотела домой, только домой. – Мне уже легче. Это только судорога. Я слишком много работала вчера в саду и мало спала ночью.

Он глядел то на Нелли, то на дорогу, а его нога не могла выбрать между педалями тормоза и газа.

– Точно? Уверена? Ты побледнела.

Нелли кивнула, держась изо всех сил. Она все еще прижимала ладони к животу, где продолжались судороги. А потом она заставила себя улыбнуться.

– Уже лучше.

Ричард нажал на газ, и машина рванулась вперед.

– Ладно, сейчас приедешь домой и ляжешь в постель.

– Спасибо, Ричард, – выдавила из себя Нелли. Он не заслуживал ее благодарности. Даже страдая от боли, Нелли не

забывала играть роль жены. Играть роль той, которая ходит перед мужем на цыпочках, просит прощения без повода и делает его жизнь лучше, превращая свою в маленький ад. Она никогда не забывает играть роль идеальной жены.

8

Ничто так не разрушает счастье семейной жизни, как ленивая, неповоротливая жена.

– Миссис Доббин Кроуфорд «Курортные хроники» (1930)

Элис

27 мая 2018 года

В воскресенье Нейт поехал за хозяйственными покупками, а Элис бродила по дому, пытаясь познакомиться с ним. Они могли купить все необходимое в соседней бodega в двадцати шагах от их дома. Здесь, в Гринвилле, было непросто найти молоко, хлеб и все остальное, если у тебя нет машины и плана. Элис нервничала из-за этого, потому что не чувствовала себя уверенно за рулем. Она лет десять не водила машину, с тех пор как переехала в Нью-Йорк, и теперь чувствовала себя в ловушке. Тут в двадцати шагах от их дома был лишь угол улицы.

Она остановилась в гостинной, надув щеки и положив руки на бедра. С долгим шипением выпустила из легких воздух и расправила плечи. Старалась расслабиться. Сумрачная, похожая на пещеру комната угнетала ее, полы скрипели под

ногами, их скрип действовал ей на нервы. Элис отправила Нейту сообщение и спросила, когда он вернется. «Мне жутковато находиться одной в этом доме», – хотелось ей написать, но вместо этого она напомнила ему, чтобы он не забыл про моющее средство.

Надо было ехать с Нейтом, как он и предлагал.

– Познакомишься с местностью, – сказал он, похлопав автомобильным брелоком по списку покупок. – Поехали. В понедельник тебе придется делать это самой. Разве ты не хочешь узнать, где что находится? – Так они договорились – Нейт заботится о финансовой составляющей и ездит каждый день на работу, а Элис берет на себя домашние хлопоты. Такое разделение ролей показалось ей простым, пусть даже Элис не совсем понимала, из чего будут состоять ее «домашние хлопоты».

Прежде она жила так: будильник на пять утра, а в семь, накофеиненная, она садилась за рабочий стол. Разбиралась с клиентами, улаживала конфликты, потом покупала что-то домой и вечером встречалась с Нейтом. Никогда не беспокоилась утром о том, есть ли еда в холодильнике, чистая ли ванная комната и убрана ли постель. Такой она и осталась в душе.

Элис прошла на кухню, и ей мгновенно стало лучше. Она натянула резиновые перчатки и принялась за уборку. За грохочущим холодильником она обнаружила двухдохлых мышей, от которых остались одни скелетики. Ее передернуло, и

она поспешила положить их трупики на бумажное полотенце, задумавшись на миг, куда их выбросить – в компост или в местный контейнер для мусора.

Избавившись от мышей, Элис стала мыть кухонные поверхности, отскребая многолетнюю грязь. Только она успела промыть шкафчики и несколько ящиков – скрипучих и деформированных, – как вернулся Нейт.

Поставив на стол бумажные сумки и поцеловав ее в макушку – единственную часть ее тела, которая, по ее словам, не была покрыта кухонной грязью, – он открыл холодильник и посмотрел на нее через плечо.

– Еще не добралась до него, да?

Холодильник тоже нуждался в основательном мытье с мылом (про моющее средство Нейт, конечно, забыл), но теперь это можно будет сделать, лишь когда они съедят скоропортящиеся продукты.

– Я нашладохлых мышей, – ответила Элис и пожала плечами, хотя была огорчена его замечанием. Столешницы блестя чистотой, в кухне пахло свежестью, лимонное и лавандовое масла вытеснили прежний затхлый запах. Хотя, конечно, прежде всего ей следовало заняться холодильником, зная, что Нейт привезет продукты и положит их туда. Она вздохнула, досадуя на себя. Прежде, на работе, ей было легко увидеть и оценить свои результаты. А что получила она, отмыв кухню, кроме (временно) сверкающих чистотой поверхностей?

– Не переживай. Потом отмоём. – Нейт закрыл холодильник и полез в одну из сумок. – Ну, с молотками это не сравнить, но я тоже купил тебе – вернее, нам – полезный в хозяйстве подарок. Закрой глаза.

Элис зажмурилась, с нетерпением дожидаясь неожиданного подарка. Зашелестела бумага, когда Нейт шарил в сумке.

– Вытяни руки, – велел он, и она снова подчинилась.

Он положил ей на ладони что-то прямоугольное и легкое. Она открыла глаза и увидела бело-розовую коробочку. С картинки ей улыбался младенец, выглядывающий из-под белого одеяла. Его окружали надписи: *«Определи два своих самых фертильных дня! Большие никаких вопросов!»*

– О... спасибо. – Элис отложила коробочку и стала доставать из сумок покупки.

– Что такое? «О, спасибо»? – Нейт скрестил на груди руки и хмуро наблюдал, как она металась от стола к холодильнику и обратно. – Что случилось?

Она положила сливочное масло и молоко на узкую полку (в старых холодильниках немыслимо мало места) и захлопнула бедром дверцу.

– Ничего. Все хорошо.

– Ну, не похоже, что все хорошо. – Он наморщил лоб. – Что не так?

Не так было то, что Элис была разочарована. Набор тестов на овуляцию в качестве полезного в хозяйстве подарка? Она

смяла бумажные пакеты и сунула в мусорный контейнер под раковину, добавив:

– Просто... я ожидала совсем не этого. Такой набор кажется мне претенциозным.

– Претенциозным? – воскликнул Нейт и громко захохотал, скрывая смущение. Аналитик рисков, он всегда пытался предсказывать будущее, поэтому использование тестов на овуляцию представлялось ему совершенно логичным – *почему бы его жене не узнать свои фертильные дни, раз уж она старается забеременеть?*

Элис села к столу и придвинула к себе коробочку.

– Тебе не кажется, что такие вещи нагоняют скуку? Почему мы не можем это делать по старинке?

– Эли, мы договорились, что попробуем сразу после переезда. Ты *сказала мне*, что готова. – В его тоне звучало легкое недовольство. Действительно, Элис сказала именно так. И она действительно считала, что готова. В конце года ей стукнет тридцать, теперь у них есть дом с несколькими спальнями и большой бельевой, так что пора начинать. Однако Элис пока еще лишь привыкала к такой мысли. Еще полгода назад, если бы зашла речь о семье, Элис бы ответила: «Поговорим об этом через пять лет». Не то чтобы ей не хотелось иметь детей – просто она мечтала прежде всего о другом, например, о должности директора по связям с общественностью. По крайней мере, пока ей не надоест эта работа. Теперь она вообще не знала, чего хотела.

– Я сказала тебе, что почти готова, – пояснила она и тут же добавила: – И я готова! Но тут так много работы в доме. – Она убрала выбившиеся пряди волос под эластичную ленту. – Я не хочу сейчас держать в голове еще и сроки овуляции.

– Ладно, Элис. Все нормально, – буркнул Нейт. Он ходил по кухне, делая ненужные вещи, – передвинул хлеб с одного края столешницы на другой, открывал и закрывал шкафчики, ничего не вынимая из них. – Где же стаканы для воды, черт побери?

– На правой верхней полке, над раковиной. – Она *могла бы* более покладисто принять подарок, хотя предпочла бы ему бутылку хорошего вина или что-то из готовых блюд. Оттолкнувшись от стола, она встала за спиной Нейта, когда тот пустил воду из крана и ждал, пока она станет холодной. – Я *правда* готова.

Нейт налил воду в стакан и повернулся к жене. Она ласково улыбнулась и сплела его пальцы со своими, когда он поставил стакан на столешницу.

– Но только, может, мы сначала избавимся от этих жутких обоев, найдем электрика и подумаем, как нам хоть немножко прогреть дом? Тут чертовски холодно. – Она драматически поежилась, и Нейт прижал ее к груди и потер ей спину ладонями.

– Ты уверена? – спросил он. – Типа, правда, правда уверена? Я ведь решил, что мы согласовали такой план, но я не

хочу тебя торо...

– Уверена. – Она попятилась назад, чтобы взять со стола коробочку. – Сколько там тестов?

– Двадцать. Кажется, на месяц.

Элис заметила, что коробку уже открывали, и сказала об этом.

– Да, это я открыл, – сказал Нейт. – Я хотел прочитать инструкцию.

– Как я не сообразила? – засмеялась Элис. – О'кей. С завтрашнего дня я начну писать на полоски.

Нейт покачал головой.

– Рано. У тебя пока седьмой день. Мы начнем с двенадцатого.

– Откуда ты знаешь, что седьмой?

– Слежу. – Он пожал плечами.

– О-о. – Если Элис и удивилась, что муж мониторил ее менструальный цикл, то напрасно это сделала. Он был хорошим партнером и привык все планировать – естественно, что он и в этом деле проявил командный подход.

– Может, стоило просто подарить цветы, а?

– Не, цветов у нас полно в саду, – возразила Элис. – Через пять дней я примусь за тесты.

– Значит... впереди несколько дней практики, да?

– Хм, мне нравится твой намек... – Элис позволила Нейту отнести ее в гостиную. Она казалась себе грязной и предпочла бы сначала принять душ, но ей было стыдно за свою

лишенную энтузиазма реакцию. При всех изменениях в ее жизни за последние несколько месяцев Нейт был ее константой. Она не могла допустить, чтобы ее тревоги и фобии встали между ними.

Элис бросила взгляд на софу с цветастой обивкой. Она досталась им вместе с домом и была в удивительно приличном состоянии.

– По-моему, подходящее место.

Нейт кивнул, не отрывая глаз от Элис. Через мгновение она лежала на спине в лифчике и джинсах, а Нейт был сверху, опираясь на локти. Впервые за этот день ей все понравилось.

– Конечно, такой способ считается старомодным. – Нейт просунул руку между ними, чтобы растянуть на Элис джинсы, и она сильнее прижалась к упругим подушкам, облегчая ему задачу. Он провел пальцем по ее щеке, шее, между грудями.

– Я люблю вас, миссис Хейл, – пробормотал он и, наклонившись, повторил тот же путь своими губами.

Элис уперлась головой в мягкий подлокотник.

– Я люблю вас сильнее, мистер Хейл.

В понедельник Элис проснулась рано, еще не было семи. Солнце ярко светило в окна. Она пыталась снова заснуть, но вместо этого принялась мысленно составлять список необходимых покупок. *Нам нужны шторы. И, пожалуй, генера-*

тор «белого шума», а то слишком тихо. И надо заменить эти ужасные обои. Вместе с той миниатюрой, громким холодильником и ржавой ванной. Избавиться от сквозняков. Но я не против софы. Даже с этими жуткими цветочками. Софу можно оставить...

После этого она перевернулась на спину и обнаружила, что лежит в постели одна. Вспомнила, что Нейт, вероятно, уже уехал в офис, ведь теперь ему предстоит добираться на работу гораздо дольше обычного. Элис разглядывала на потолке длинную трещину, которую не замечала раньше, и думала, что это дом вздохнул сквозь эту трещину, недовольный тем, что новые хозяева не знают, как о нем заботиться, и не ценят его очарование.

Громкий стук нарушил тишину, и Элис села, прижимая к груди одеяло. Ее сердце громко колотилось, когда она смотрела на захлопнувшуюся дверь спальни. Она долго не могла найти рационального объяснения (сильный сквозняк из открытого окна), но тут раздался второй удар. Тяжелая металлическая дверная ручка громко ударилась о деревянный пол и шумно покатилась к стене.

Элис со стоном опрокинулась на подушку, закрыла лицо ладонями и мысленного добавила к растущему списку дел еще один пункт.

9

*Думай о приятном во время работы.
Тогда любое дело станет легче.*
– *Поваренная книга Бетти Крокер с иллюстрациями*
(1956)

Элис

2 июня 2018 года

– Я и забыла, как холодно на востоке. – Мать Элис плотнее запахнула толстую вязаную кофту, похожую на ковер, и глубже спрятала подбородок в высокий воротник-хомут. – А ты что – совсем не мерзнешь? – Она смерила хмурым взглядом наряд дочери: джинсы, тонкую футболку, голые ноги.

– Ма, на улице двадцать пять градусов. – Но тепло было снаружи. В доме действительно казалось холоднее, словно работал кондиционер. Вот только в старом доме не было кондиционера.

– Неудивительно, что я мерзну. Когда мы уезжали, у нас было за тридцать.

Элис медленно пила кофе.

– Да, в Калифорнии другая погода, не такая, как в Нью-Йорке.

Ее мать Жаклин и отчим Стив пробыли у них ровно восемнадцать часов, девять из которых спали, и Элис уже мысленно вычеркивала дни, остававшиеся до их возвращения в Сан-Диего. Она пыталась отговорить их, чтобы они не приезжали («замужняя, почти тридцатилетняя женщина не нуждается в помощи родителей при переезде»), но мать настаивала, и Элис сдалась, когда пришло сообщение от матери вместе с данными уже зарегистрированных авиабилетов.

Мать поставила на ночной столик дымящуюся кружку зеленого чая матча – который привезла с собой, несмотря на заверения Элис, что его можно купить в Нью-Йорке, – и устроилась в гостевой спальне на коврик для йоги, который расстелила на полу; ее руки и ноги походили на стержни, сгибавшиеся и разгибавшиеся с удивительной легкостью, несмотря на толстую кофту-ковер.

– Как прошла твоя первая неделя отпуска? – поинтересовалась мать, выполняя серию упражнений на растяжку.

– Ма, я не в отпуске. Я уволилась – ты забыла? – Элис нахмурилась, вспомнив о работе. Она отчаянно скучала по ней. Жалела, что в тот вечер, когда она гуляла с Бронвин, у нее не хватило мозгов держать рот на замке и не рисковать своей карьерой.

– Ой, милая моя, ты ведь поняла, что я имела в виду. – Мать плавно перешла в позу собаки. – В твоём возрасте я была готова отдать что угодно, лишь бы уйти с работы и целыми днями заниматься хозяйством в большом, красивом

доме, приводить все в порядок и вообще.

Впрочем, несколько подруг говорили ей то же самое – как Элис повезло, что у нее есть Нейт с его-то зарплатой, – хотя и сами не могли бы сказать, как им распорядиться лишними пятьюдесятью часами в неделю. Все знакомые Элис работали, *должны* были работать.

– Ты попробуй завести себе парочку хобби, – посоветовала Жаклин. – Ну, например, займись живописью или работай в саду. Или, может, начни готовить?

– Хм-м. Пожалуй...

– Ты слышала что-нибудь о «сувид» – то есть «под вакуумом»? Это такая кулинарная технология. – Мать описала сочную отбивную, которую приготовила этим методом несколько недель назад.

– Да, я слышала об этом. – Элис выдернула выбившуюся из футболки нитку и вздохнула.

– Послушай меня, милая, пользуйся этим временем, пока у тебя нет детей, – отрывисто сказала Жаклин, словно давала совет своей подруге, а не дочери. Впрочем, Элис понимала, что обижаться бессмысленно. Ее мать смотрела на вещи совсем по-другому. – И делай перерывы, отдыхай. Перемены – трудная штука. – Теперь Жаклин стояла на голове, заставляя Элис глядеть на нее, наклонив набок голову. – Ты принимаешь витамины?

Мать любила напоминать ей, как в детстве у нее всегда болело горло и живот при смене сезонов или когда начина-

лось что-то новое, например учеба в средней школе.

– Витамины дают детям, ма. – Элис не хотела, чтобы ее опекали, тем более Жаклин – не то было у нее настроение.

Жаклин глубоко дышала, выполняя растяжку. Элис закрыла глаза и посчитала до десяти под шумное дыхание матери.

– Ты не права, милая. Витамин D необходим в этом климате, где так мало солнца.

На вопрос «Вы близки с матерью?» Элис всегда отвечала, что у них все сложно. Обе женщины были настолько разными, что если бы Элис не видела фотографий, где мама держала ее на руках, когда она родилась, то она, может, и не поверила бы, что у них идентичная ДНК. Мать была светловолосой, а у Элис волосы темные. Элис миниатюрная, но склонна к полноте, и ей приходится считать калории, а мать высокая, худая и угловатая. На солнце Элис делалась красной, как лобстер, а мать покрывалась красивым золотым загаром.

Люди часто спрашивали, похожа ли Элис на своего отца. Да, внешне, но отец отсутствовал в ее жизни так долго, и она не могла сказать, было ли у них еще что-то общее.

Родители Элис жили вместе десять лет. Ее отец дрейфовал между разными работами – был механиком, работником на ферме, страховым агентом, инструктором йоги – и однажды, когда Элис было девять лет, он ушел, чтобы заниматься ландшафтным дизайном. К ужину, правда, вернулся. На следующий день ушел снова. Она помнит, как через пару часов

спустилась тайком вниз по лестнице и сидела на стуле у окна гостиной, дожидаясь его, пока не заснула. Но отец так и не пришел домой. Мать готовила им завтрак – подала яичницу и слегка забродивший апельсиновый сок, купленный по дешевке.

– Когда папа вернется? – спросила Элис.

– Понятия не имею, – равнодушно ответила мать. – Вероятно, когда будет готов к этому.

Элис зарыдала, огорченная безразличным тоном матери. Она все-таки любила отца, несмотря на его неуравновешенный характер. В этом невинном возрасте она видела в нем только хорошее: у него были усы с закрученными кончиками, и он смешил ее, когда шевелил ими, словно персонаж мультфильма; он позволял ей съесть пончик целиком, не заставлял делиться; он учил ее плавать в муниципальном бассейне рядом с домом и оставлял время для подводного чаепития, которого Элис всегда ждала.

– Хватит плакать. – Жаклин подвинула к дочке тарелку с жидковатой яичницей. – Ешь быстрее. А то опоздаешь в школу.

Элис проглотила грусть вместе с завтраком, а Жаклин даже не попыталась утешить свою маленькую дочь. Элис помнила, как в тот момент она впервые разочаровалась в матери.

Со Стивом Дайканом мать встретилась на занятиях по фитнесу через год после ухода отца. Много лет она работала инструктором по аэробике, а Стив держал в Калифор-

нии успешную сеть фитнес-центров. Через шесть месяцев она собрала вещи и переехала с Элис на другой конец страны в большой дом Стива в Сан-Диего, построенный в стиле ранчо. Элис нашла Калифорнию слишком жаркой, слишком предсказуемой, без смены сезонов. В семнадцать лет она вернулась в Нью-Йорк, чтобы продолжить учебу в колледже. Элис любила мать, но ей не хватало более прямых и открытых отношений с ней, таких как у Нейта с его родителями. Она понимала, что нелегко быть матерью-одиночкой, но и ей самой было непросто расти рядом с женщиной, которая не ставила дочь на первое место.

– Жаклин, где зарядное устройство? – Из двери высунулась голова Стива.

– В моей сумке. В боковом кармане.

– Оки-доки. – Стив повернулся к Элис: – Доброе утро, детка. Как спалось? – Как и Жаклин, Стив был в прекрасной физической форме, несмотря на свои шестьдесят лет, и под майкой проступали его бицепсы.

– Хорошо, спасибо, – ответила Элис и встала, чтобы его обнять. – А ты как спал?

– Фантастически, – ответил он. – Я пришел за рабочими перчатками. Нейт сказал, что у тебя найдется для меня лишняя пара.

– Конечно. Сейчас я их достану. – Нейт и Стив совместными усилиями восстанавливали каменную тропинку к дому и готовили к ремонту подъездную дорогу. Элис с Нейтом

жили в доме уже неделю, и список срочных дел рос каждый день с угрожающей скоростью. – Вот, держи. – Элис протянула Стиву перчатки, достав их из стоявшей в углу хозяйственной сумки и оторвав ярлычок с ценой.

– Спасибо, детка.

– Не за что, мам. Схожу за пластиком. Я быстро.

Мать что-то промычала в ответ, не открывая глаз. Стив протянул руку и слегка шлепнул ее по ягодице; Жаклин тут же открыла глаза.

– Стив!

Он рассмеялся и поцеловал ее взасос; Элис ушла.

Вскоре после того, как Нейт сделал ей предложение, Элис улетела на выходные в Сан-Диего навестить мать и сообщить ей эту новость. Они обе захмелели от белого вина, поэтому Элис и спросила у матери, в чем секрет ее долгих и счастливых отношений со Стивом.

– Секс как минимум дважды в неделю, – без колебаний ответила мать, а Элис тут же пожалела, что зря задала такой вопрос. – Ну, и я выбрала подходящего партнера, – добавила мать. Элис кивнула и с тайной усмешкой подумала, что, в отличие от матери, сама она поставила бы на первое место прежде всего это.

– Нейт, куда ты положил рулон пластика? – Элис выглянула из-за двери; теплый воздух приятно контрастировал с прохладой в доме.

– Он в подвале. В левом углу, возле велосипедов, – ответил Нейт и провел ладонью по мокрому лбу. В руках он держал совковую лопату, а Стив с поразительной легкостью тащил в руках большой каменный квадрат. – Хочешь, я сам принесу?

Да, принеси, пожалуйста, подумала Элис, но тут же покачала головой. Темный, сырой подвал наводил на нее жуть, но рано или поздно ей все равно придется идти туда – бельевая корзина была уже забита до отказа.

– Вам нужно еще что-нибудь, парни? Еще кофе? Воды?

– У нас все есть, – ответил Нейт и махнул рукой в сторону небольшого кулера, стоявшего слева от ступенек. И мужчины вернулись к работе, не успела Элис закрыть дверь.

В подвале она щелкнула выключателем и с боязнью посмотрела на шаткую лестницу. Единственная голая лампочка еле освещала помещение. Элис тяжело вздохнула, и затхлый воздух наполнил ее легкие. Деревянные ступеньки стояли под ее ногами. Она спустилась на грубый цементный пол и вскрикнула. Мимо нее проскользнула большая чешуйница, ища безопасность в тени, и нашла убежище под стиральной машиной.

– Тебя мне еще не хватало, – пробормотала Элис, по ее телу пробежали мурашки.

Пластик лежал в углу, как и сказал Нейт. Элис схватила упаковку и сунула под мышку, стремясь поскорее уйти из этого сырого холода, от чешуйниц и прочей живности, оби-

тавшей в подвале этого старого дома. С учащенно бьющимся сердцем и вспотевшими от страха ладонями она стремительно помчалась к лестнице и не заметила деревянную поперечину.

Споткнувшись, она упала на пол и сидела потом, приходя в себя и хватая ртом воздух. Утром будет большой синяк на ноге. Она посветила фонариком, чтобы узнать, обо что споткнулась. На небольшой деревянной поперечине стояли пирамидой три картонных ящика. По обвисшим стенкам и помятым углам было ясно, что они находились там очень давно. Элис прочла надпись на одном из них:

Кухня

Должно быть, они принадлежали предыдущей владелице. Элис решила их не трогать и сообщить о них Беверли. Но любопытство пересилило. Элис сунула телефон под подбородок и осторожно подняла клапаны.

Направив свет на коробку, она рассмотрела журналы, пожалуй, их было две дюжины – все *Ladies' Home Journal* с 1954 по 1957 год. Достала один из них, села на край деревяшки и полистала, забыв ненадолго про свои страхи.

Реклама сигарет, чулок, холодильников, пива («Не беспокойся, дорогая, у тебя хотя бы пиво не подгорит!»); все краски блеклые, шрифт серый, не то что в нынешних журналах. Она поморщилась при виде рекламы сыра *Velveeta* – блюда, где уголки сэндвича с жареным на гриле сыром торчали из оранжевого супа, словно гребни айсберга. «Отврати-

тельно», – пробормотала она и перелистнула еще несколько страниц.

Отложив журнал в сторону, Элис снова заглянула в коробку. Там лежали книги. Она вытащила одну из них и прочитала название на обложке:

ПОВАРЕННАЯ КНИГА ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ ДОМОХОЗЯЙКИ

Когда-то книга была красной, но за сменой лет заметно выцвела. Обложку обрамляли названия кулинарных категорий. Элис, наклонив голову, прочла:

*Роллы. Пироги. Ланч. Напитки. Джемь. Желе.
Блюда из птицы. Супы. Соления. 725 проверенных
рецептов.*

Опираясь локтями о согнутые колени, Элис осторожно открыла старую книгу:

Эли Суонн, 1940

Она перелистнула желтые страницы. Таблицы сбалансированного питания: молочные продукты, цитрусовые, зеленые и желтые овощи, хлеб и крупы, мясо и яйца, рыбий жир в качестве добавки – *особенно полезен для детей*. Тут же советы для хозяек, как избежать переутомления, организуя праздничный обед. Элис обратилась к последним страницам: *схема разделки туши говядины* и подробное описа-

ние каждой из ее частей – от филейной до шеи.

Рецепты пирога со свининой, язык в желе, мясной хлеб с овсянкой и какой-то «Поркупин» – из шариков говяжьего фарша с рисом, которые должны томиться час в томатном супе (вот уж чего Элис точно не станет готовить). А еще бесчисленные заметки возле рецептов:

Обед в честь Элеанор (ей 13 лет) – восхитительно!

Для хорошего пищеварения!

Добавить сливочное масло!

Эта Элси Суонн не выпускала книгу из рук – сразу видно. Страницы в бурых пятнах. Значит, книга не лежала без дела, как книги Элис.

– Элис! – Мать стояла у двери подвала. – Ты нашла пластик?

– Да. Сейчас поднимусь, – Элис сложила журналы в коробку и взяла упаковку пластика. Она уже хотела подняться, но остановилась, решив прихватить интересную находку. Может, она и попробует что-нибудь приготовить, как советовала ей мама. Зажав ее под мышкой, она осторожно преодолела шаткие ступенькам и с облегчением выдохнула, когда темный подвал остался позади. Элис положила книгу на кухонный стол и снова посмотрела на обложку. Может, этой самой Элси Суонн они обязаны столькими слоями обоев? Теперь придется сдирать их со стен несколько дней.

Нелли

14 октября 1955 года

Цыпленок по-королевски

6 ст. л. сливочного масла

½ чашки измельченного зеленого перца

1 чашка грибов, нарезанных кубиками

2 ст. л. муки

½ ч. л. соли

1 ч. л. паприки

1½ чашки горячего молока

1 чашка куриного бульона

3 чашки вареной курицы, нарезанной кубиками

1 чашка вареного гороха

1 ч. л. лукового сока

¼ чашки перца пименто, нарезанного тонкими ломтиками

2 ст. л. шерри

Растопите масло и потомите до мягкости зеленый перец и грибы. Убавьте огонь и, помешивая, добавьте в кастрюлю муку, соль и паприку. Через пару минут начните медленно подливать горячее молоко и куриный бульон, постоянно помешивая, пока соус не загустеет. Добавьте вареную курицу, горох и луковый сок. Перед подачей на стол добавьте пименто и шерри. К блюду подайте белый хлеб, обжаренный на сливочном масле и нарезанный клинышками.

– Я считаю, что стоит перенести обед. – Ричард сидел за кухонным столом со стаканом эмульсии, успокаивающей желудок. Его снова мучили боли, но званый обед он хотел перенести не из-за этого. Нелли заглянула под крышку кастрюли, где вместе с петрушкой и лимоном варился цыпленок, и обрадовалась, что тот почти готов.

– Ты еще не выздоровела, Нелли.

– Доктор сказал, что все в порядке и я могу вернуться к нормальной жизни. Я говорила тебе об этом. – Она ту же повязала фартук на стройной талии и, подпевая музыке из радио, хлопотала на кухне, расставляя салатницы и тарелки в соответствии со своими записями. Канапе, креветочный коктейль, соус по-голливудски. Салат из латука с рокфорной заправкой. Цыпленок по-королевски. «Запеченная Аляска»². Нет, ничего не нужно переносить: они ждут на

² «Запеченная Аляска» (*англ.* Baked Alaska) – десерт, мороженое на бисквитной подложке, покрытое взбитыми яичными белками, зарумяненными в духовке. Согласно распространенной версии, название «Запеченная Аляска» придумал шеф-повар нью-йоркского ресторана Delmonico's Чарльз Ранхофер. – *Прим.*

обед три супружеские пары, все было решено еще месяц назад. До того, как умер Гарри Стюарт, до инцидента с машиной, когда грубые пальцы Ричарда оставили на ноге жены синяки. До выкидыша Нелли.

Выкидыш случился, когда Ричард ужинал в городе с важными персонами и они хвастались, что могут отправить жевательную резинку Мёрдока в любой ларек, торгующий содовой, от Нью-Джерси до Калифорнии. Это было на следующий день после похорон, и Ричард не хотел оставлять ее одну, но потом она все-таки убедила его, что все в порядке. Ужин затянулся, и Ричард остался на ночь в отеле. Его не было дома, когда Нелли потеряла ребенка.

Вернувшись утром домой и узнав о выкидыше, он разозлился на Нелли. За то, что она отправилась на похороны, когда он уговаривал ее не делать этого, за то, что никого не позвала, чтобы ее отвезли в больницу, за ее беспечность. Потом увидел пропитанные кровью полотенца в ванне. Крови было много, и все было так неожиданно и так тяжело, что Нелли свернулась в ванне на тех полотенцах и рыдала, пока не забылась сном. Она проснулась на рассвете, дрожа, с разбитым сердцем, и хотела все убрать до возвращения Ричарда.

– Боже мой, Нелли. – Ричард побледнел, увидев эту сцену, схватился за сердце, а другой рукой за дверной косяк. Вспомнил ли он ту поездку в машине, ругал ли себя за железную

хватку, с какой его пальцы впились в ногу жены, вспоминали ли судорогу, согнувшую ее пополам? Нелли надеялась на это и испытывала небольшое утешение в своем горе.

Потом Нелли отбелит все окровавленные полотенца, кроме одного, которое перевяжет атласной лентой и похоронит в саду, под нежно-голубыми незабудками. «Верная и вечная любовь, Нелли, девочка моя. Незабудки – цветы памяти», – сказала как-то вечером Элси, когда они рядышком друг с другом пололи клумбы, распевая церковные гимны (Элси – альт, Нелли – сопрано). Мать раздвигала тяжелую листву и показывала дочке темные, сырые места в саду, где лучше всего росли нежные цветы. «Им нравится тень этих красивых цветов, – пояснила Элси, показывая пальцем на пышные тюльпаны. Потом провела ладонью по ковру нежных, голубых, как небо, незабудок. – Они хоть и маленькие, но очень сильные и выносливые».

Врач сказал, что она может вернуться к нормальной жизни. Доктор Джонсон был в отпуске, и она обратилась к его коллеге, престарелому Вуду, который носил парик с хохолком и не мог запомнить ее фамилию. Она записалась на прием через два дня после выкидыша, и, хотя Ричард настаивал, что поедет вместе с ней, Нелли – желая остаться наедине с врачом – возразила, что на работе его присутствие важнее, и пообещала передать слово в слово все заключения и рекомендации доктора. И тогда Ричард уехал на поезде в Бруклин в уверенности, что его жену тщательно осмотрит

врач. Вместо этого Нелли обратилась к доктору Вуду по поводу еле заметной сыпи на руке, и он посоветовал ей купить в аптеке лечебный порошок *Mexsana*.

– Покраснение и зуд пройдут через пару дней, миссис Мюррей, – пообещал доктор Вуд, не поднимая глаз от рецепта.

– Мёрдок, – сказала Нелли. – Миссис Мёрдок.

Доктор поднял голову. Его парик слегка съехал.

– Разве я сказал иначе?

– Ой, должно быть, я неправильно расслышала вас.

– А-а, ну, ничего. – Дрожащей рукой врач дописал до конца название порошка. – *Mexsana* хорошо помогает и при сыпи и опрелостях от пеленок.

– Я буду иметь в виду.

Доктор сдвинул кустистые, седые брови и протянул ей рецепт.

– Так сколько вам лет, миссис Мюррей? – спросил он. Она не стала его поправлять и сунула в сумочку бумагу, собираясь немедленно избавиться от нее. Доктор точно знал, сколько ей лет; вся необходимая информация о ней содержалась в медицинской карте, которую тот держал в руке. Но она поняла, почему он задал этот вопрос. В *ее* возрасте у нее не было детей, а ведь позади два года замужества. Она вообще была загадкой и в кружке рукоделия, и в церковной группе, и на коммерческих посиделках в чьем-нибудь доме, полных женщин на разных сроках беременности и маленьких детей,

цепляющихся за юбку матери.

– Двадцать три, – ответила она в ожидании едкого комментария или бессмысленного совета – что-то вроде *не нужно ждать слишком долго, пора завести семью*. Но доктор Вуд лишь кивнул.

– Почти двадцать четыре, – сказал он. – Я оставлю записку доктору Джонсону. Думаю, что сыпь пройдет через несколько дней.

Обед в доме Мёрдоков прошел успешно, как всегда. Нелли любила званные обеды, особенно тематические, хотя супруг не разделял ее энтузиазма. Полгода назад, когда Нелли приготовила гавайский фуршет, гости восхищались ее умением, а Ричард заявил, что угощения слишком липкие. «Что плохого в обычном тосте?» – пробурчал он, глядя на папоротник, ананасы и бананы. Нелли украсила ими стол, чтобы тот выглядел более праздничным. Одну из гирлянд, которую она добросовестно сделала из папиросной бумаги, Ричард неохотно надел на шею лишь после того, как это сделали все гости.

Сегодня Нелли тоже постаралась и приготовила на закуску ассорти из овощей – розы из редиса и оливки, насаженные на зубочистки, свежие помидоры из ее сада; канапе и креветочный коктейль, венские колбаски и фаршированные яйца, потом подала цыпленка по-королевски, а когда никто уже не мог ничего есть, десерт – «Запеченную Аляску». Беседа вы-

далась приятной, мужчины обсуждали предстоящие выборы и новый «революционный» будильник от *General Electric* и *Telechron*. Женщины восхищались Элвисом Пресли и обсуждали недавнюю свадьбу Мэрилин Монро и Артура Миллера – все считали этот брак странным.

Потом женщины остались одни на кухне и глядели, как готовится «Запеченная Аляска». «Как же можно ставить в духовку мороженое?» – удивлялись они. О выкидыше никто не упоминал, и Нелли одновременно радовалась и обижалась на это. Она отчаянно тосковала по своей беременности, по большому животу, ощущению полноты жизни, восторгу ожидания грядущего чуда. За весь вечер никто из ее подруг не сказал ничего, кроме «Ты хорошо выглядишь, Нелли», потому что хорошие манеры не позволяли омрачить веселье такими неприятными вопросами.

После застолья Нелли подробно рассказала гостям, как приготовить «Запеченную Аляску», когда те потягивали коктейль из джина с лаймом. Ричард угощал мужчин в гостиной коктейлем *Сайдкар*, и они беседовали о политике и бизнесе. Гости разошлись, насытившиеся хорошей едой и раскрасневшиеся от вкусных коктейлей. Нелли укрепила свою репутацию отменной хозяйки званых вечеринок.

Она была довольна тем, как приятно провели время гости, и даже Ричард отбросил мрачное настроение; веселая компания и коктейли вернули ему прежнее обаяние. Впервые за несколько недель у него не бунтовал после обеда желудок –

Ричард даже съел вторую порцию десерта и не потребовал висмут.

– Молодец, Нелли-малышка, – пробормотал Ричард. Он подошел к ней сзади, обнял за талию и нежно поцеловал в ямку между шеей и плечом. – Я горжусь тобой.

– Господи, чем тут гордиться? – удивилась Нелли, медленно повернувшись лицом к нему и ощущая тепло от джина.

– Всем, что ты приготовила. – Он показал жестом на стол с десертными тарелками, недопитыми бокалами и смятыми салфетками. Потом прижался к ней и нежно провел пальцами по ее щеке. – Ты поражаешь меня, Нелли.

Она улыбнулась и, обезоруженная его искренним комплиментом, потянулась к нему и поцеловала. Обычно она сама не проявляла инициативы и тут почувствовала, что Ричард ее хочет.

– Что, доктор сказал, что уже можно... ну... что ты можешь вернуться ко всему? – спросил он.

Можно было бы подумать, что Ричард Мёрдок без проблем просил все, чего хотел. Вообще-то обычно он не просил. И Нелли странным образом возбудили его колебания, его нерешительность, так как это бывало в начале их знакомства. В те дни она была очарована Ричардом. Он обращался с ней как с драгоценной розой, ласково гладил ее нежные лепестки, с гордостью демонстрировал ее в красивых нарядах и дорогих украшениях всему миру.

Ни один мужчина, включая ее отца (*особенно* ее отца), не

заботился так о Нелли, как Ричард в те далекие дни. Она была юной и наивной, а еще ей отчаянно хотелось поверить, что она достойна такого нежного отношения.

Нелли скромно кивнула, и Ричард лукаво улыбнулся.

– Хорошо, хорошо. Пойдем? – Он откинулся назад, развязывая галстук, но не отрывал от нее глаз. Нелли обвела взглядом неубранный стол.

– Слушай, оставь это служанке. – Приходящая помощница, Элен (хотя Ричард никогда не называл ее по имени), должна была прийти на следующее утро. Это время Нелли обычно использовала для прополки сада, или визита к соседке Мириам, или покупок в городе, потому что ей было неловко находиться в доме, пока Элен убиралась. К тому же ее утомлял посторонний человек в ее стенах – Нелли скрывала от всех некоторые вещи.

– Хорошо, – ответила она. – Хотя сначала мне хотелось бы кое-что записать.

– Сейчас? – удивился он.

Нелли не беспокоилась; он все равно будет доволен, как только она сбросит платье и позволит ему снять чулки с ее длинных, стройных ног.

– Что, это не может подождать до завтра?

– Я обещала Гертруде рецепт десерта, и лучше напишу его сейчас, пока помню.

Ричард смотрел на нее пьяным взглядом, слегка приоткрыв рот.

– Не заставляй меня ждать слишком долго, детка, – сказал он хриплым голосом.

– Хорошо. – У Нелли с Ричардом не было ничего уже давно, еще до выкидыша. Потеря ребенка вызвала бурю в ее теле и душе, но она была не из тех фригидных женщин, о которых она читала в своих журналах. Сегодня она отдастся мужу, а умеренное опьянение от джина и успешно проведенная вечеринка обещали, что она даже получит от процесса удовольствия. К тому же Нелли хотела ребенка не меньше, чем Ричард, и чем раньше, тем лучше.

Ричард ушел наверх, а Нелли налила себе еще одну небольшую порцию джина и потягивала его за кухонным столом. Рецепт «Запеченной Аляски» для Гертруды она запишет завтра. Сейчас Нелли нужно было написать кое-что другое. Она сделала еще один глоток и разгладила бумагу.

11

Ваш мозг может решать сразу несколько проблем, пока вы делаете что-то руками. Работайте головой, когда моете посуду, вытираете пыль, подметааете пол, чистите овощи. Обдумывайте ваши семейные планы или то, что нужно сделать в саду.

– Поваренная книга Бетти Крокер с иллюстрациями (1956)

Элис

8 июня 2018 года

Элис сидела на цветастой софе, болтала ногами и пыталась решить, что ей делать.

Телефонный звонок стал для нее неожиданностью. Хорошо еще, что в тот момент Нейт ехал в поезде на работу, а мама со Стивом летели где-то над Канзасом, приближаясь к теплой Калифорнии, о которой мать непрестанно вспоминала всю неделю.

Наконец-то оставшись одна, Элис решила пробежаться (хотя улицы Гринвилла меньше располагали к этому, чем Центральный парк), а потом посидеть за ноутбуком и попробовать что-то написать. На душе у нее скребли кошки, было

даже как-то тревожно, ей это надоело, и она решила провести сеанс аутотренинга.

– Теперь ты живешь *здесь*, – сказала она себе, – так что смирись с этим. Ты можешь привести в порядок этот дом и написать бестселлер, о котором всегда мечтала. Все в твоих руках. Едва ли это самое трудное, с чем тебе приходилось сталкиваться, Элис Хейл. Надень свои кроссовки, черт побери, и перестань вести себя как размазня. Ты прекрасно знаешь, что надо делать.

Она натягивала носки, когда зазвонил телефон, и у нее пересохло во рту от имени, высветившегося на экране. Инстинктивно Элис чувствовала, что звонок стоит проигнорировать (им было не о чем говорить), но трубка неожиданно оказалась возле ее уха.

– Алло?

– Это Джорджия.

Элис вскочила на ноги и открыла рот, но не смогла сказать ни слова.

Джорджия Уиттингтон? Как будто Элис сама не могла узнать этот голос. Она ясно представила, как ее бывшая начальница сидит в своем угловом кабинете в здании *Whittington Group*, ее стрижка боб свисает набок под острым углом, а на носу очки для чтения (в дизайнерской пурпурной оправе). Джорджия разговаривает с ней и смотрит в огромные, от пола до потолка, окна. Те самые, на которые она постоянно жаловалась («слишком много света», «совсем не ви-

жу экран», «слишком жарко летом»), но ценила их статусность — только очень важные люди позволяют себе такие ок-на.

— Да, я поняла. — Почему позвонила Джорджия? На мгновение Элис даже подумала, что, может, она хочет извиниться за все случившееся? Признает, что те проекты провалились бы и без Элис, и предложит ей вернуться? Такая мысль ей понравилась, хоть она никогда больше не даст на это согласия, не обрадует Джорджию.

— Слушай. У нас проблема.

Элис хотела напомнить Джорджии, что теперь у *них* нет ничего общего.

— Чем я могу помочь? — Элис старалась говорить уверенно, словно увольнение ничуть ее не огорчило.

— Проблема с Джеймсом Дорианом. Он подал на нас иск.

— О. Теперь я понимаю, в чем проблема. — Элис прочистила глотку и принялась нарезать круги по гостиной. — Для *вас*. — Она с удовольствием говорила с Джорджией таким тоном. словно та была всего лишь надоедливый оператором, навязывавшим свой товар по телефону. Много лет она старалась ей подражать, смотрела ей в рот и радовалась, когда великая Джорджия Уиттингтон достаивала ее менторским замечанием.

В голосе Джорджии прозвучала нотка отчаяния — мол, она занята, и ее ждут более важные дела. Элис знала все неодоб-рительные интонации Джорджии и слышала их достаточно

часто за пять лет их совместной работы. Ее вегетативная система тут же выдала свою реакцию, как у собаки нейробиолога Павлова. У Элис вспотели подмышки и взмокла верхняя губа.

– Ясно, что я не позвонила бы тебе без крайней необходимости. Если бы дело не касалось и тебя.

Элис застыла на месте.

– Меня?

– Ты фигурируешь в судебном иске.

– За что? Почему? – пробормотала Элис. Но она прекрасно знала – *за что* и *почему*, поэтому буквально рухнула на софу, когда ужас разлился по ее животу: Джеймс Дориан не был таким пьяным, как она надеялась, и помнил тот ночной разговор.

– Он подал иск против *Whittington Group*, но там упомянута и ты.

– Джорджия, я больше не имею отношения к *Whittington Group*.

Ее бывшая начальница зашипела от раздражения.

– Меня уже ждет другой звонок, но мне нужно, чтобы ты приехала в офис. Встретилась с нашими юристами.

– Ладно, – проямлила Элис, думая в тот момент, как она объяснит все это Нейту. Особенно если дело не ограничится неприятной встречей с Джорджией и ее юридической командой, а вскроются и другие подробности. – Когда?

– В понедельник. К одиннадцати.

– Джорджия, вообще-то...

– Договорились. Увидимся в понедельник.

Когда Джорджия закончила разговор, Элис несколько раз сделала вдох-выдох, пытаясь унять растущую тревогу. По фасаду ударил порыв ветра, и дом тоже вздохнул своими щелями, а Элис задрожала, несмотря на теплый кардиган, надетый на футболку. Ей отчаянно требовалось отвлечься, и, как ни странно, впервые за много месяцев она захотела курить. Чтобы никотин проник в ее кровь и немного успокоил напряженные нервы. Элис курила в колледже, иногда и после него, пока не встретила Нейта. С тех пор она не выкурила ни одной сигареты.

Элис пошарила в прихожей, в крошечном прямоугольном пространстве шкафа, где стояли в ряд несколько пар обуви и висели три куртки. Сбросив свитер, она наклонилась, взяла свои кеды и торопливо обулась. Вынула из кошелька десятидолларовую купюру и сунула в кармашек на поясе тайтсов. Не потрудившись запереть дверь на ключ, она побежала по тротуару, зная, что в нескольких кварталах от дома увидит магазинчик *7-Eleven*.

Тот оказался чуть ли не в дюжине кварталов. Элис выдохлась, у нее закололо в боку, и она перешла на шаг, решив все-таки добраться до него. Пачка сигарет еле уместилась в кармашке. На самом деле она не собиралась курить, но ее успокаивала мысль о том, что у нее появился выбор. После этого она снова поговорила сама с собой, на этот раз шепотом.

том, когда шла по дороге, обрамленной деревьями.

– Джеймс Дориан получил то, что заслуживал. Ты *ничего* не должна Джорджии. Нейт не должен ничего знать об этом. Джеймс Дориан получил то, что заслуживал...

Элис почти успокоилась, когда подходила к дому, но ее поджидала новая неприятность. Она дернула за дверную ручку, но дверь не открылась. Она дернула сильнее, повернула ручку вправо, потом влево. *Что за черт?* Отойдя на шаг, она уперлась руками в бедра и нахмурилась. Ведь она нарочно не стала запирать дверь, чтобы не брать с собой ключи. Это точно.

Ворча от злости, она снова дернула за ручку, повернула влево-вправо и ударила плечом в дверь. Бесполезно.

– Дурацкий старый дом, – буркнула она и направилась на задний двор; высокая трава щекотала голые лодыжки. Что ж, хотя бы день приятный. Тепло, но не жарко, свежий воздух, птицы щебечут – приятно выйти сюда из мрачного, холодного дома. *Вообще-то тут так тихо, такой покой.*

Задний двор был просторный, кто-то отлично распланировал его, и с того места, где стояла сейчас Элис – на выложенном каменными плитами квадрате, спиной к дому, – глаз радовали пышные цветы и зелень. Слева вдоль сетчатого забора росли розы, желтые и красные, они составляли такой четкий узор, что даже казалось, будто цветы понимали свою роль. Возле дома примостился деревянный сарайчик с садовым инвентарем – лопатами, секаторами, триммерами,

стопкой бумажных мешков для обрезков.

Элис достала сигареты и села на один из пластиковых садовых кресел. Перебрасывая пачку из руки в руку, она мрачно отметила, что среди цветов уже вылезла из земли трава, несмотря на все старания матери на прошлой неделе. Элис надеялась, что садом будет заниматься кто-нибудь еще, не она – ведь тут так много возни на каждый день.

– Я бы вообще все тут выдрала к чертям... – пробормотала Элис, закрыла глаза и запрокинула голову.

– Алло! Привет!

Вздрогнув от неожиданности, Элис уронила сигареты. Резко повернула голову влево, откуда доносился голос, и увидела соседку с испачканной в земле лопатой в руках и ореолом белых кудрей, выбивавшихся из-под широких полей шляпы.

– Мы еще официально не познакомились, – сказала пожилая женщина. Она сняла садовую перчатку и протянула через забор руку. – Я Салли Клауссен.

Элис вскочила и направилась к забору.

– Очень приятно, миссис Клауссен. – Они пожали друг другу руки. – Я Элис. Элис Хейл.

– Пожалуйста, зовите меня просто Салли. Мою мать называли миссис Клауссен.

Она улыбнулась, и сетка морщин на ее лице стала еще глубже.

– Добро пожаловать на нашу улицу, Элис. Вы откуда при-

были?

– Из Манхэттена. Точнее, из Марри-Хилл.

– А-а, городская девушка, – сказала Салли. – Тут у нас все немножко по-другому, не так ли?

– Это точно. Я даже не знаю, что делать со всем этим. – Элис показала жестом на двор. – Мои навыки в этом плане ограничиваются папоротником по имени Эстер, который я поливала в колледже.

– Я буду рада дать вам парочку советов, если хотите. Хотя должна предупредить, что эти розы до сих пор противились всем моим усилиям и стараниям. Я даже не думала, что они будут еще когда-нибудь цвести!

Розы оплели весь забор и издалека казались морем красных и желтых точек.

– Мой сад не выиграет никаких призов, но, к счастью, никому нет до этого дела, кроме меня и пчел. – Она махнула рукой, и Элис решила, что ей нравится Салли Клауссен.

– Пожалуй, я ловлю вас на слове. А сколько лет вы тут живете?

– Долго, но с перерывами, – ответила соседка. Элис ждала более подробного ответа, но не услышала его. Салли приложила ладонь ко лбу и заслонила глаза от солнца; ветер слегка шевелил гибкий край ее шляпы. Она показала Элис в угол сада. – Да, пока я не забыла – обязательно надевайте перчатки, прежде чем дотронуться вон до тех цветов.

Элис взглянула в ту сторону, куда показывала Салли.

– До каких?

– До наперстянки, – ответила Салли. – До тех красивых цветов рядом с хостой. Они ядовитые, но отлично отпугивают оленей. Те их не трогают.

– Тут водятся олени?

– Да, но они осторожные. Их можно увидеть лишь на рассвете и в сумерках. И они очень любят хосту.

Элис подумала, что это якобы ядовитое растение выглядит вполне безобидно. Цветки походили на округлые тапки, прикрепленные ровными рядами к крепкому стеблю.

– Вон те цветы? Очень симпатичные.

– Да, конечно.

– Вероятно, прежняя хозяйка их любила. Вон их сколько! – Элис заметила, что наперстянки росли еще в двух местах сада.

– Кажется, да, – согласилась Салли. – У этого растения есть еще и другое название; может, вы его слышали? *Digitalis purpurea*.

– Нет, не слышала.

– Из наперстянки делают гомеопатический препарат, применяющийся при заболеваниях сердца. – Салли снова натянула перчатку. – Но не стоит дотрагиваться до растения – листьев, стебля, цветков – голыми руками. Однажды я лечила девочку, которая сделала салат из этих листьев. Она ухитрилась съесть один листочек, прежде чем мать остановила ее. Малышка провела неделю в больнице.

- Ой, выходит, жить в Манхэттене было куда безопаснее.
- Может, вы и правы, – рассмеялась Салли.
- Значит, вы были терапевтом? – поинтересовалась Элис.
- Кардиологом. Чудесная была работа.

Элис подумала, что Салли, вероятно, любили ее пациенты.

– Теперь я отчаянная садовница и пекарь на полставки. Хотя ни в том, ни в другом я не добилаь такой квалификации, какая была у меня в медицине. – Она посмотрела на садовое кресло Элис и нарочно задержала взгляд на пачке сигарет. – Простите мою прямолинейность, Элис, – в моем возрасте люди говорят то, что думают, – но вы что – пытаетесь бросить курить?

– Ой, да я не курю. Вернее, когда-то курила. Давно. – Элис пожалала плечами, увидев на лице Салли и доброту, и жалость. – Эта пачка лежит просто так. На всякий случай. На черный день.

Салли подняла брови.

– Понятно. И сегодня у вас тот самый черный день?

– Да, проблемы на работе. – Перед Элис всплыло лицо Джеймса Дориана.

– Среди моих пациентов было полно курильщиков, как вы понимаете, – сказала Салли. – Но лишь немногие смогли бросить эту привычку, потому что нашли себе занятие, приносящее еще больше удовольствия. Оно отвлекало их до тех пор, пока они не перебороли свою привычку.

– Хороший совет. – Элис поняла, что стала в глазах Салли заядлой курильщицей. Но это было проще, чем пытаться объяснить, что именно заставило ее взять в руки сигареты. – Чем мне отплатить вам?

– Мы будем квиты, если вы бросите курить. – Салли приложила руку к своему узкому бедру, ее бежевые брюки собрались в складки на тонкой талии. – Что ж, пожалуй, я должна вернуться к работе. Эти розы сами себя не подстригут. Но я рада, что мы с вами поболтали.

Элис наблюдала, как Салли срезала секатором колючие стебли.

– Вы так и не сказали, сколько лет вы тут живете.

– Я провела в этом доме все детство, но потом уехала изучать медицину, а мама осталась. – Она срезала еще несколько стеблей и бросила весь пучок в лежавший на земле бумажный мешочек. – Вернулась сюда около тридцати лет назад после ее смерти. Сначала я собиралась пожить тут какое-то время, пока не продам дом. Но... – Она улыбнулась. – Я до сих пор здесь.

Элис хотелось спросить, была ли Салли замужем, есть ли у нее дети, живет ли она одна.

– Вы знали владельцев моего дома?

– Не очень хорошо. Они поселились здесь, когда я уехала учиться. Моя мама была в дружеских отношениях с хозяйкой дома, Элеанор Мёрдок, которую все звали Нелли. – Салли продолжала орудовать секатором, наклоняясь к вет-

вям куста; ее тело было удивительно гибким для ее возраста. – Нелли была замкнутой. Много лет давала в гостиной уроки игры на фортепиано детям. Летом я часто слышала, как она пела вместе с учениками. Прекрасный был у нее голос. – Это объясняло наличие пианино в доме, уже не покрытого пылью благодаря стараниям Элис, но все еще расстроенного. – Она была удивительной женщиной, и мама часто говорила, что у нее «зеленый палец». Те розы перед вашим домом подтверждают это.

– Моя мама сказала, что наш сад в хорошей форме по сравнению с домом. Кто-то отлично знал свое дело, когда ухаживал за ним.

– Нелли возилась в саду почти каждое утро, а когда заболела, наняла ландшафтного дизайнера. За садом ухаживали даже после ее смерти, вот почему он по-прежнему радуется глаз. – Салли аккуратно положила срезанные розы на траву. – Много лет после моего возвращения мы жили бок о бок, но редко разговаривали друг с другом, не считая обмена стандартными любезностями. Беседовали о дожде и приходе холодов. Однажды она научила меня, как ухаживать за пионами, чтобы избавиться от муравьев. Это был наш самый долгий разговор.

Элис вспомнила заметку в кулинарной книге:

Обед в честь Элеанор (ей 13 лет) – восхитительно!

– Я нашла старые журналы и поваренную книгу, которая, вероятно, принадлежала ей. Или кому-то из ее знакомых.

Вам знакомо имя Элси Суонн?

– Что-то знакомое, но не могу вспомнить – откуда. Моя память уже не та, что прежде. – Салли выпрямилась и, выгнув спину, рассеянно потерла поясницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.